

Арготические слова профессиональной речи . 1938

I

Явления арготической речи обратили на себя внимание исследователей, этнографов, поэтов, беллетристов и хронистов¹ еще несколько столетий назад. Первые свидетельства об арго восходят в Германии к XIII—XIV вв. (см.: Fr. Kluge. Rotwelsch. Strassburg, 1901), во Франции к XIV—XV вв. (см.: L. Sainéan. L'argot ancien. Paris, 1907), в Англии к XVI в. (см.: G. Krapp и H. Bradley, статья «Slang» в XX т. «Encyclopaedia Britannica», изд. 14, 1930), однако едва ли найдется в лингвистике менее разработанная область, чем арготические наречия. Обширная литература об арго не дала еще ни одного более или менее точного и последовательного определения, что такое арго. Многочисленные описания отдельных арго и их интерпретация не стоят еще на должном уровне. Это и понятно: арго как факт лингвистический требует к себе такого подхода, который было не в состоянии организовать языкознание XIX и нач. XX вв., ориентировавшееся на литератур-

¹ Имею в виду Голлиншеда, в хронике которого встречается одно из наиболее ранних свидетельств об арго (см. предислание хронике «Description of England» Harrison'a).

ный и письменный языки, с одной стороны, и на деревенские диалекты, с другой.

В результате многочисленных исследований мы имеем целый ряд разрозненных толкований арго, взаимно противоречивых, лишенных единства и внутренней связи. В настоящее время нет ни только какой-либо прочной теории арго, но и ни одного достаточно последовательного и непротиворечивого взгляда, если, впрочем, не считать концепций, созданных этнографами и криминологами, которые, однако, совсем не могут удовлетворить нас с лингвистической стороны. Скупые описания, объяснения обрывочные и недоговоренные, робкие и несмелые попытки введения арготических слов в художественную литературу,— вот с чем приходится иметь дело всякому, кто интересуется арготическими явлениями.

Наиболее ранние представления об арго сводили его к какому-либо из иностранных языков. В Англии, например, вплоть до XVIII в. был широко распространен взгляд, отождествлявший воровскую речь (cant) с языком цыганским. У нас арготирующие офени Владимирской губернии сводили свою речь к языку «мясыков», будто бы некогда кочевавших по Волге².

Отчасти подобные же взгляды высказывались и в этнографической литературе: известный исследователь костромской старины М.Диев возводил арго галичских мещан к языку финнов, населявших Костромскую сторону до заселения ее славянами³, а А.Кайдалов искал предков офеней и прасолов среди индоевропейского населения Европы и язык их присоединял к языкам индоевропейской семьи⁴.

Более последовательный, но все же еще донаучный взгляд, перешедший затем в литературу этнографического характера и там завоевавший себе прочное положение, толковал арго как результат некоего «*contrat social*», заключаемого арготирующей группой с целью сокрытия своих замыслов и действий от могущих их подслушать представителей чуждых слоев населения.

Это представление, не всегда являвшееся фактом наблюдения, а скорее бывшее некоторой абстрактной попыткой истолкования арго, имело тем не менее неоспоримые достоинства и дожило в той или иной скрытой и смягченной форме до наших дней. Взгляд этот был для своего времени неплохой попыткой истолкования арготических явлений, последовательно увязанной с рационалистическим подходом к языку, господствовавшим до XIX в. При этом целый ряд фактов языковой действительности получил свое разрешение: строгая социальная ограниченность и замкнутость круга арготирующих, их корпоративность, дей-

² К. Тихомиров. Офени Владимирской губернии. «Владимирский сборник», М., 1857.

³ М. Диев. Какой народ населял в древние времена Костромскую сторону и что известно об этом народе? «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. IV.

⁴ А.Кайдалов. О предках прасолов и офеней. СПб., 1876.

ствительная необходимость «засекречивать» некоторые стороны своей деятельности у воров, факт постоянного обновления словаря арга и т. д.

Однако объяснение это не может быть принято в настоящее время даже в компромиссных формах, так как, будучи логически и последовательно применено, оно влечет за собой целый ряд следствий, приводящих к абсурду посылки.

Если каждая из социальных групп, пользующихся арго, вынуждена это делать с целью сокрытия своих незаконных и преступных замыслов, то мы должны будем заподозрить в систематических преступлениях профессионального характера русских офеней, шерстобитов, шаповалов, рыбаков, бурлаков, бродячих портных; лирников; английских букинистов, разносчиков; французских каменщиков, жнецов, трепальщиков конопли, кровельщиков; немецких студентов, ремесленников и т. д., многочисленные свидетельства о высоко развитых арго которых имеются в литературе. Так, собственно, и поступали некоторые из исследователей, обвиняя перечисленные группы населения в воровстве, мошенничестве, разбое и прочих неблагоприятных поступках. Обвинения этого рода могут быть скорее объяснены откровенными социальными антипатиями исследователей, чем желанием последовательно провести свою точку зрения на арго.

Рукопись, хранящаяся в библиотеке Казанского университета, — «Описание Кричевского графства» Андрея Мейера 1786 г.⁵ — заключает следующее ставшее типичным для известной части литературы место:

«Я думаю, что не противно будет, если я упомяну здесь о том наречии, которым все кричевские мещане, портные, сапожники и других мастерств люди, а особливо живущие около польской границы корелы (не от корелов, а от грабежей своих так названные крестьяне) между собою изъясняются. Сие наречие подобно многим российским, а особливо суздальскому, введено в употребление праздношатавшимися и в распутстве жившими мастеровыми, которые, привыкнув к лени и пьянству, принужденными находились для прокормления своего оно выдумать и сплести, дабы посторонние их не разумели, и они всех тем удобнее обкрадывать и мошенничать могли».

Второе соображение против теории секретности арга заключается в следующем: если придерживаться этого взгляда, мы должны будем признать, что арготирующим по каким-то для нас мало понятным соображениям следовало скрывать не только названия действий и предметов, имеющих отношение к краже, к преступлению, но и названия частей тела, еды, напитков, времени дня, года, картежные термины, термины других игр и т. д.

Многочисленные арготические образования обычного языка было бы естественно также объявить тайными, так как рассматривать арготические образования, рассеянные в общем языке, одним путем, а соединенные в более или менее компактную группу — резко противопо-

⁵ «Описание рукописей Казанского университета, сост. А.И.Артемьевым». — «Летопись занятий Археогр. комиссии, 1876—1877 гг.» СПб, 1884, вып. VII, отд. III, стр. 19—22.

ложным, вряд ли достаточно последовательно. В русской литературе мы имеем попытку объявить тайным язык алкоголиков (см. Тиханов, Криптогlossарий, СПб, 1891), обладающий во всех странах большим количеством арготических образований⁶.

Но самое главное возражение против тайного и условного характера арго состоит в том, что этим путем явления арготического порядка становятся в прямое противоречие с нашими современными научными представлениями о характере развития языка вообще.

Мы должны соблюдать сугубую осторожность во всех случаях, когда имеем какое-нибудь сообщение о тайном характере арго. Легенда о тайных языках упрочилась в прошлом оттого, что через нее каждое сообщение об арго легко облекалось в форму сенсационного разоблачения. Почти во всех случаях оглашения какого-либо языка тайным мы имеем не опытно наблюденный факт, а попытку некоторой предвзятой интерпретации явлений, попытку тем более неудачную, что часто, описывая затем речь арготирующих, исследователи явно противоречили себе.

Ниже мы приводим некоторые цитаты из русских исследователей (главным образом этнографов), наиболее подробно писавших о быте и социальных условиях жизни арготирующих,— цитаты, которые помимо воли самих авторов вскрывают не тайный характер арго.

Боржковский в статье «Лирники» («Киевская старина», 1889, XXVI) о языке лирников, так называемой «лобурьской мове», пишет, что лирники «говорят на нем, когда никого нет или так тихо, что никто не услышит их; следовательно, при таких обстоятельствах, когда могут говорить обыкновенным наречием». От себя добавим, что вообще нам непонятно, что именно нужно было скрывать лирникам и в каких случаях они не могли говорить «обыкновенным наречием».

О том же лирницком языке другой автор, Тиханов («Труды Черниговской губ. комиссии 1897—1898», отд. II), пишет: «...каждый раз при нашем обращении к старцам они изъявляли полнейшую готовность передать свой криптогlossон, без каких бы то ни было с их стороны предубеждений».

Мартынов, автор статьи о прасолах («Тульские губ. ведомости», 1870, № 44), о языке их говорит, что он понимается «не только всем мужским народонаселением города, но и некоторыми женщинами и детьми».

Тиханов в статье о брянских нищих («Брянский вестник», 1895) говорит, что нищий, к которому он обратился за разъяснением о языке старцев и нищих, «тут же на мою (т.е. Тиханова.— Д.Л.) просьбу продиктовал все, что мог припомнить или что знал из своего тайного языка...».

Н.Н. Виноградов в статье о жгонском языке (Изв. II Отд. АН, 1919, кн.1) пишет: «В Варнавинском уезде жгонский язык распространен в

⁶ См.: Fr.Kluge. Deutsche Studentensprache. Strassburg, 1895 (стр. 21 «Trunkenlitanei») и вступит. статью к словарю: Hotten. A dictionary of modern slang, cant and vulgar words. London, 1859.

довольно значительной степени среди всего населения». Николайчик в статье о языке черниговских шаповалов («Киевская старина», 1890, ХХІХ) пишет, что «в противоположность подольским лирникам, черниговские шаповалы не делают особенного секрета из своего языка».

Добровольский в статье о шубрайском, или кубрацком, языке дорогобужских мещан (Изв. II Отд. АН, т. II, 1897) упоминает, что в Дорогобужском уезде «хорошо знакомы с кубрацким языком». «Даже маленькие дети, желая скрыть свои шалости от взрослых, приучаются говорить по-кубрацки: мачта хлить, шентяк тахтить — ухливай (т.е. мать идет, кнут несет — уходи)». Очевидно, что детьми в употреблении аргю руководит не желание скрыть шалость (шалость, собственно, в вышеприведенном примере уже раскрыта), а желание экспрессивно выразиться, т.е. то же стремление, которое побуждало и школьников иной раз употреблять чисто арготические слова⁷.

Можно привести еще достаточное количество цитат, в которых исследователи противоречат теории тайного характера аргю. Есть свидетельства о том, что эти «тайные» языки русских ремесленников и нищих были не только распространены широко в приблизительно однородной среде, но что значение многих «тайных» слов было известно даже таким представителям обособленных слоев населения, как помещики.

Следует также обратить внимание на тот факт, что все собрания так называемых «простонародных», областных и провинциальных слов, относящиеся к первой половине XIX в. (хотя бы, например, в «Чтениях Общества любителей российской словесности», 1820), включают частично слова этих самых «тайных» языков, что отнюдь не говорит об их тайности.

Надо сказать, что, действительно, слова отдельных аргю, собранные в словари, оторванные от живого употребления, на представителя иной социальной среды, каким всегда является собиратель, производят в некоторых случаях впечатление не только тайного, но даже иностранного языка.

Серьезное возражение против тайного характера русских аргю XIX в. заключается в следующем: сравнительное изучение словарей отдельных аргю показывает, что арготических слов очень немного, что поэтому поддерживать достаточно длительный разговор на этих аргю, не прибегая к помощи обычных русских слов, нельзя, что все эти арготические слова имеют отношение только к довольно небольшому замкнутому кругу явлений и, наконец, что эти арготические слова весьма легко переходят из одной среды в другую, если внешние условия их существования поддержат их в данном переходе. Однородные явления во всех русских аргю начала XIX в. называются одинаково, а

⁷ См., например: М.Рыбников. О искажении и огрублении речи учащихся. «Родной язык в советской школе», 1927, сб.1; В.Шепотьев. Мова наших школярів. «Етногр. вісник», 1927, кн.3; С.Копорский. Воровской язык в среде школьников. «Вестник просв.», 1927, № 1; Е.Лупова. Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени. «Труды Вятского научно-исслед. ин-та краеведения», т. III, 1927.

так как арготирующие профессии имели между собой в условиях своего существования очень много общего (например, бродячие лирники, бродячие швецы, бродячие кузнецы, бродячие шаповалы, шерстобиты, офени-ходебщики, бурлаки и пр.), то словари профессиональной речи всех их почти однородны, во всяком случае, на две трети заключают одинаковый лексический материал, и мы не без некоторого основания можем говорить о существовании в начале XIX в. в значительной мере единообразного по своему словарю аргю.

Тому, что арготические слова не заменяли собой в речи всех обычных разговорных слов, а лишь «пересыпали» ее, противоречат как будто имеющиеся записи речи офеней и прасолов, в которых эти офенские и прасольские слова целиком вытесняют обычные русские. Но здесь нужно принять во внимание следующие соображения: во-первых, давая пример употребления офенских слов, любой исследователь и собиратель несомненно подберет такие фразы, в которых эти слова встречаются как можно чаще, и, во-вторых, погоня за сенсацией часто приводит к невольным фальсификациям. С такой фальсификацией мы несомненно имеем дело в статье Голышева «Проводы офеней» («Ежегодник Владимирского губ. статист. комитета», т. III, 1880). В этом нетрудно убедиться, прочтя от доски до доски весь приводимый им отрывок явно искусственного и нарочитого происхождения.

Тем, кто хочет составить себе действительное представление о живой речи офеней, советуем обратиться к словарю Макарова («Опыт русского простонародного словотолковника» — «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», 1846—1848), где приведены к каждому офенскому слову любопытные примеры⁸, и к «Сравнительному словарю всех языков и наречий» 1791—1792 гг., в которых офенские слова под рубрикой «суздальские» чередуются с обычными русскими.

Правда, в книге Красноперова «Очерки города Одоева» (Тула, 1896) приводится стихотворение, написанное сплошь арготическими словами:

Мас накерился тарнюшки
И похлил на юр лепшать.
Мас захлин (захлил?— Д.Л.) к алдной
шахтенке (шихтенке?— Д.Л.)
Лесенечко почалдать.
Шихта масу тюрюхала⁹:
Хли на юр лепшать¹⁰.

⁸ Например, к слову *латво* — «легко, хорошо»: «Пропал Ерема без угла, без дома, а теперь ему латво пошло: кто курочку, а кто и гуська несет, в дьяки попал». Офенское слово как бы вкраплено в обыкновенную русскую речь.

⁹ *Тюрюхала* — «сказала» — не от старого ли названия мокши — *терюхане* (или *тюрюхане*)?

¹⁰ Я напился водки
И пошел на чердак спать.
Я зашел к одной девушке
Немного поговорить.
Девушка мне сказала:
Иди на чердак спать.

Но там же говорится о том, что это стихотворение написано одним любителем прасольского языка, а «любители», как известно, появляются тогда, когда язык выходит из живого употребления; во всяком случае, оно никак не соответствует живой речи прасолов.

Этому стихотворению можно противопоставить частушку, приводимую Н.Н. Виноградовым¹¹ и, по-видимому, более отражающую живой язык офеней:

Возгудалка возгудает,
Борисан в беседу хляет.
Возгудалка, не гудай,
Меня любит Николай¹².

Сам по себе факт употребления какого-либо языка как тайного еще не может служить доказательством его тайного и условного характера вообще. Никто не будет, например, объявлять французский язык тайным и условным только потому, что некоторые русские помещики иногда пользовались им для сокрытия своего разговора от дворовой прислуги. С этой точки зрения отдельные несомненные примеры тайного употребления арго (например, в статье: Н.Н. Виноградов. Жгонский язык. «Известия Отд. русского языка и слов. АН», 1918, т. XXIII, в письме русского солдата из австрийского плена) решительно не могут служить доказательством тайного характера арго.

Мы совершенно не собираемся отрицать существования секретных языков каст, тайных обществ и т. д., так же точно, как не отрицаем существования разного рода шифров и «тарабарских грамот». «Тайные языки», всякого рода шифры и криптография были широко развиты в период феодализма, но с переходом к капитализму они очень рано исчезают: гораздо раньше, чем это думают, например, Sainéan, предполагавший, что «переход» от тайных языков к арго совершился приблизительно в середине XIX в.¹³ Тайные языки и арго глубоко различны по своей сущности. Мы считаем вполне возможным многочисленные заимствования из этих «языков» в арго, но мы при этом находим недопустимым смешивать арго и эти языки. Заимствования этого рода идут в арго тем же путем, каким они идут из любого чужого языка: цыганского, еврейского, греческого. В арго шифр становится настоящим, живым словом, лишаясь своего искусственного характера, так же точно, как давно утратили свой искусственный и условный характер, став полноправными словами, многочисленные в современном русском языке аббревиатуры.

Вообще говоря, следует отметить, что весьма часто смешиваются в литературе, с одной стороны, тайный характер арго, употребление во-

¹¹ «Известия ОРЯС АН», 1918, т. XXIII, кн. I.

¹² Гармонь играет,
Солдат в беседку идет.
Гармонь, не играй,
Меня любит Николай.

¹³ L. Sainéan. Le langage parisien au XIX siècle. Paris, 1920, стр. 49.

ровских слов в целях засекречивания своей деятельности и, с другой стороны, тайное происхождение арготизмов, происхождение тех или иных слов из потребностей засекречивания. Не подлежит сомнению, что вопросы эти совершенно различные и смешение их ведет к грубому запутыванию проблемы.

В русской литературе об арготизмах, интерес к которому поддерживался главным образом в среде этнографов, точка зрения «тайности» и условности арготических явлений была единственной. Исключение составляют только несколько предположений о воровском языке, высказанных В.Лебедевым: «Воровской жаргон, язык преступной среды не есть что-либо искусственное или случайное, но является естественно необходимым продуктом природы и культуры каждой категории преступников...» («Вестник полиции», 1909, № 22).

Но этим робким предположением «специалиста»-полицейского дело и ограничилось, так как бедная теоретической мыслью русская литература об арготизмах вопреки фактам, здравому смыслу, игнорируя лингвистические достижения Запада, прочно стояла на теории тайного и условного характера арготизмов, делая лишь незначительные уступки очевидности.

Наиболее объемистое из русских исследований воровской речи — «Опыт исследования воровского словаря» В.Тонкова (Казань, 1930) — вполне еще находится во власти этой легенды: «На условном языке преступнику легче договориться с товарищами относительно побега из тюрьмы. На жаргоне лучше провести совещание о совместном проведении „голодовок“ как протесте против тюремного режима; а иногда тайный язык помогает снестись с вольными „своими“ людьми. Но и вне стен тюрьмы этот тайный язык необходим вору: дать знать об угрожающей опасности; сообщить в людном месте среди „не своих“ о выгодном „деле“, предупредить при допросе и т. д.».

Это не часто встречающееся в литературе раскрытие конкретного содержания значения «тайных переговоров» в полной мере обнаруживает всю зыбкость этой теории и бедность ее опытно подтвержденными фактами. В.Тонков очевидно забывает, что большинство слов русской воровской речи существует уже около ста лет, что они далеко не тайны для очень многих, в частности, они не были тайными и для тюремной администрации — «тюремных надзирателей», знавших этот язык подчас лучше самих воров. Приводимые им примеры тайных переговоров немыслимы и невероятны.

Перейдем к западноевропейским исследователям арготизмов.

Один из первых солидных исследователей арготизмов из среды не этнографов и любителей, а лингвистов, Ш.Нодье¹⁴, всецело еще стоит на точке зрения признания арготизмов тайным языком. Последними последовательно проводившими этот взгляд были М.Schwob и G.Guieysse¹⁵, пол-

¹⁴ Ch. Nodier. Notions élémentaires de linguistique. Paris, 1834.

¹⁵ M.Schwob, G.Guieysse. L'étude sur l'argot français. «Mémoires de la Société de Linguistique», t.VII. Paris, 1892.

ностью признававшие за арго и наиболее спорное из следствий этого положения — искусственность арго: «L'argot est justement le contraire d'une formation spontanée. C'est une langue artificielle, destinée à n'être pas comprise par une certaine classe de gens. On peut donc supposer *a priori* que les procédés de cette langue sont artificiels». («Арго, несомненно, противоположен спонтанной формации. Это искусственный язык, ставящий своей целью быть непонятным для определенного класса людей. Можно, следовательно, *a priori* допустить, что приемы этого языка искусственны»).

До XX в. теория секретного характера арго дожила в столь компромиссных формах, что, собственно, основная теоретическая часть ее оказалась полностью обесцененной.

Как бы далеко ни ушла современная лингвистика от теории тайности арго, мы, впрочем, всегда должны помнить ту огромную роль, которую сыграла в этом отходе художественная литература.

Первые серьезные удары теории тайности арго были нанесены еще в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. представителями так называемой неистовой словесности, широко использовавшими арго в создании своего романтически «кошмарного» жанра. Характеристика арго в этих произведениях преследовала исключительно литературную задачу — «ужасать» и эпатировать, причем употребление первых арготических слов в беллетристике этого рода подчинялось тому же чисто стилистическому заданию.

В известном произведении «Dernier jour d'un Condamné» (1828, гл. XVI), приводя семь куплетов арготической песни, которую поет пятнадцатилетняя девица, В.Гюго замечает: «C'était une chose repoussante que toutes ces monstrueuses paroles sortant de cette bouche vermeille et fraîche. On eût dit la bave d'une limace sur une rose. Je ne saurais rendre ce que j'éprouvais; j'étais à la fois blessé et caressé. Le patois de la caverne et du bague, cette langue ensanglantée et grotesque, ce hideux argot, marié à une voix de jeune fille, gracieuse transition d'une voix d'enfant à une voix de femme! Tous ces mots difformes et mal faits, chantés, cadencés, perlés!» («Противоестественны были такие гнусные слова на таких румяных, свежих устах. Точно след слизняка на лепестке розы. Я не в силах передать свои чувства; мне было и больно и сладко слушать язык вертепа и каторги, жестокий и живописный говор, грязный жаргон в сочетании с девичьим голосом, прелестным переходом от голоса ребенка к голосу женщины! Слышать эти уродливые, исковерканные слова в плавных переливчатых звуках песни!» (Виктор Гюго. Последний день приговоренного к смерти. Перевод Н.Касаткиной.— Собр. соч. в 15 томах, т. I. М., 1953, стр. 252).

Ту же характеристику арго продолжает углублять В.Гюго и в «Les Misérables» (кн. 7). Арго — «...la langue laide, inquiète, sournoise, traître, venimeuse, cruelle, louche, vile, profonde, fatale, de la misère» («...уродливый, пугливый, скрытый, предательский, ядовитый, жестокий, двусмысленный, гнусный, глубоко укоренившийся роковой язык нищеты»).

К заслугам В.Гюго следует отнести прежде всего то, что он впервые указал на соответствие между характером аргю и психическими особенностями его носителей, связал отдельные слова с представлениями арготирующих, надолго опередив в этом отношении научную литературу.

«Si le philosophe parvient à fixer un moment, pour l'observer, cette langue qui s'évapore sans cesse, il tombe dans les douloureuses et utiles méditations. Aucune étude n'est plus efficace et plus féconde en enseignements. Pas une métaphore, pas une étymologie de l'argot qui ne contienne une leçon.— Parmi ces hommes, *battre* veut dire *feindre*; on *bat* une maladie; la ruse est leur force. Pour eux l'idée de l'homme ne se sépare pas de l'idée de l'ombre. La nuit se dit la *sorque*; l'homme *l'orque*. L'homme est un dérivé de la nuit. Ils ont pris l'habitude de considérer la société comme une atmosphère qui les tue, comme une force fatale, et ils parlent de leur liberté comme on parlerait de sa santé. Un homme arrêté est un *malade*; un homme condamné est un *mort*» («Если философу удастся удержать на мгновение этот беспрестанно улетающий язык, чтобы исследовать его, им овладевают горестные, но полезные мысли. Никакое другое исследование не бывает более действенным, более плодотворным и поучительным. Нет ни одной метафоры, ни одного корня в словах аргю, которые не содержали бы наглядного урока. Среди этих людей *бить* — означает *прикидываться*; они *бьют* болезнь — прикидываются больными; их сила — хитрость. Для них идея человека неотделима от идеи тьмы. Ночь — *потьмуха*; человек — *тёмник*. Человек — производное от ночи. Они привыкли рассматривать общество как среду, убивающую их, как роковую силу, и о своей свободе они говорят так, как принято говорить о своем здоровье. Арестованный человек — *больной*; человек осужденный — *мертвый*»).

Аналогичная попытка связать аргю с воззрениями арготирующих на мир имеется и у Бальзака (*La dernière incarnation de Vautrin*. Paris, 1847), правда, значительно менее ярко выраженная.

Точка зрения Гюго и Бальзака оказала большое влияние на всю последующую французскую литературу об аргю вплоть до нашего времени¹⁶.

Проникновение аргю в беллетристику разрушило прежде всего представление об аргю как о языке, употребляющемся исключительно людьми, стоящими «*en marge de société*». Употребление аргю было обнаружено широко за пределами воровской среды.

Уже Vidocq в предисловии к «*Les voleurs*» (Paris, 1837) замечает: «La langue argotique n'est plus seulement celle des tavernes et des mauvais lieux, elle est aussi celle des théâtres; encore quelque pas et l'entrée des salons lui sera permise» («Аргю — это язык не только таверн и дурных мест, он также язык театров; еще один шаг, и у него будет свободный доступ и в салоны»).

¹⁶ См., например: A. Timmermans. *L'argot parisien*. Paris, 1922.— В импрессионистическом введении к этой книге полностью удержана характеристика, данная аргю Гюго и Бальзаком.

Вслед за Видоком Hotten во вступительной статье к своему словарю (*A dictionary of modern slang...*, 1859) находит свой «slang» в каждой социальной группе, даже в среде аристократии и клерикалов. В результате этого все углублявшегося знакомства с аргю и обнаружения его в таких слоях населения, которые никакой нужды скрывать свои замыслы иметь не могли, теория тайного и условного характера аргю претерпела значительные изменения. С одной стороны, секретность аргю была ограничена сперва только пределами возникновения арготических слов, а с другой стороны, безусловно секретным стал признаваться только язык воров. Так, например, в Англии, где с аргю были хорошо знакомы со времен елизаветинских драматургов Шекспира, Бен Джонсона¹⁷, Бомонта и Флетчера¹⁸, традиционно с начала XIX в. существовало различие *cant* — языка воров и *slang* — аргю остальных групп населения¹⁹. При этом тайный характер приписывался только первому — *cant*. Однако практически отделить *slang* от *cant* удавалось не так просто, и выходившие словари этого не проделывали, давая слова и того и другого в полном смешении.

К XX в. в изучении аргю намечаются два далеко еще, впрочем, не оформившихся направления, пришедшие на смену теории тайного и искусственного характера аргю: первое, которое мы условно назовем этнографическим, и второе — социологическое. Третье, лишь слабо обозначившееся, — психологическое — имеет пока еще очень небольшое прошлое.

Во многом опередившая лингвистов в своих исследованиях аргю среда этнографов, в которой в свое время теория тайности и условности аргю находила наибольшее число адептов, выдвинула теорию родственности сакральных языков так называемым языкам специальным и, в частности, аргю.

Наиболее полно эта гипотеза была высказана Генпер'ом сперва в «*Revue des études ethnographiques et sociologiques*» (1908, juin — juillet, *Essai d'une théorie des langues spéciales*), а затем во втором томе его во многом замечательного труда «*Religions, moeurs et légendes*» (Paris, 1909), где работа была полностью перепечатана. Приравнивая специальные языки (в том числе и аргю) к языкам сакральным и литургическим, как, например, церковнославянский в России, латинский в католических странах, санскрит в Индии и даже, может быть, сумерийский в Ассирии-Вавилонии, Генпер основным фактором образования и тех и других выдвигает некоторое, якобы заложенное в каждой группе, стремление противопоставить себя окружающей среде, некото-

¹⁷ См. арготические выражения у Ben Johnson'a — «*Masque of the Gypseys Metamorphosed*».

¹⁸ Слова нищенского аргю встречаются в комедии Beaumont'a — «*Comedy of the Beggar's Bush*».

¹⁹ Точное современное значение слов *slang*, *cant* и др. (*argot*, *dialect*, *gibberish*, *idiom*, *jargon*, *lingo*, *parlance*, *patois*, *shop*, *vernacular*) интересно разъяснено в кн.: H.W.Fowler. *A dictionary of modern English usage*. Oxford, 1927.

рую «самозащиту» (*nécessité de défense*) и инстинкт самоутверждения социального коллектива:

«...les langues spéciales ont une raison d'être biologique: elles ne sont que l'un des innombrables moyens par lesquels les collectivités de tout ordre maintiennent leur existence et résistent aux pressions de l'extérieur» (*Religions, moeurs et légendes*, стр. 315).

«Ainsi la langue spéciale joue à l'intérieur de la société générale le rôle que chaque langue générale joue vis-à-vis des autres langues générales. C'est l'une des formes de différenciation, formes voulues, et nécessaires à la vie même en société» (там же, стр. 316) («...специальные языки имеют свое биологическое основание: они являются одним из бесчисленных средств, которыми всякого рода общности поддерживают свое существование и сопротивляются давлению извне». «Итак, специальный язык играет такую же роль внутри общества в целом, какую играет каждый общий язык по отношению к другим общим языкам. Это одна из форм дифференциации, желательных и необходимых для самого существования общества»).

Искусственность построений Генпер'а, основанных на сопоставлении мертвых литургических и сакральных языков с живой, текучей и постоянно изменчивой арготической речью, ясна даже и не лингвисту; однако заслуживает серьезного внимания отмеченная им склонность отдельных социальных групп противопоставлять себя остальным в языке²⁰. При этом мы считаем правильное рассматривать факт этого противопоставления не как абстрактный биологический принцип, а скорее как проявление коллективной психологии.

Основная мысль Генпер'а была подхвачена и развита затем в работе известного итальянского криминолога Niceforo «*Le génie de l'argot*» (Paris, 1912), также рассматривающего арготические и специальные языки под углом зрения резистенции социального организма. Niceforo привнес, однако, в свои построения очень много от антропологизма и абстрактной психопатологии Ломброзо, чьим последователем в области криминологии он до известной степени является²¹.

Будучи пространно изложенной, основная мысль Генпер'а теряет у Niceforo свою остроту и четкость. Понятие «социального организма», инстинкта самозащиты и резистенции у Niceforo грубо биологично. Противопоставление арготическим прочим специальным языкам (наподобие английского противопоставления *slang* и *cant*) носит исключительно искусственный характер: последние он относит за счет открытого сопротивления социального организма внешней социальной среде, первые же за счет скрытого (*argot cachée*, стр. 98). Для заполнения получившихся лакун в промежутке между этими двумя категориями Niceforo при-

²⁰ См. факты, отмеченные в работах: Д.С. Лихачев. Черты первобытного примитивизма воровской речи. «Язык и мышление», т. III—IV, 1935; Irwin. The new American underworld slang dictionary. London, 1930.

²¹ С Ломброзо Niceforo разделяет также и свои социальные антипатии (ср., например, его соображения об антропологических особенностях «низших классов». — «*Le génie de l'argot*», стр. 62). Ломброзо посвятил арготическую главу в первом томе «*Uomo delinquente*».

шлось ввести третью — «псевдоарго» (стр. 94—97). При этом надо отметить, что секретность, которую Nisefogo считает главным отличительным признаком арго, далеко не обычная условная и искусственная секретность рассмотренных нами выше построений, а секретность естественная, спонтанно возникающая. «Тайное арго» служит, как и специальный язык, демонстративным признаком принадлежности к определенной группе, тем самым, несомненно, теряя в своей секретности. Nisefogo считает возможным существование тайного и притом естественно возникшего языка между двумя друзьями и относит к этой же категории любовный язык двух влюбленных. Понимая так широко тайный характер арго, Nisefogo в сущности сводит на нет всю эту теорию, не оставляя от нее ничего, кроме сомнительного факта непонятности арго для окружающих.

Заслуживает самого серьезного внимания мнение Nisefogo о магическом характере специальных языков. Однако магия речи понимается им настолько широко и абстрактно, что позволяет ему подводить под нее чрезвычайно разнохарактерные явления, даже национальные языки²². Высказанное им положение не получило развития и оказалось совершенно не связанным с общей концепцией специальных языков.

Названные нами выше авторы видят в арго явление надстроечного порядка над обычной для арготирующей речью. Арго, так же как и вообще все специальные языки, рассматривается ими как явление вторичного речевого ряда, в значительной мере патологического происхождения, как явление отклонения от нормального языка.

Следующее направление, которое лучше всего назвать формально социологическим, видит в арго обычное, естественное и спонтанное развитие языковых явлений в пределах той или иной социальной группы. Арго рассматривается как явление языка социального коллектива, не выходящее за пределы обычных лингвистических норм, как явление первичной, основной и естественной для данного социального коллектива речи.

Отсюда основной вывод этой школы — каждая социальная группировка имеет свой оригинальный ряд языковых явлений постольку, поскольку этому способствуют специфические особенности существования каждой из них. Зачатки этого направления, получившего особенно сильное распространение во Франции, могут быть найдены еще во вступительной статье «A dictionary of modern slang, cant and vulgar words» (London, 1859), не без основания приписываемой издателю J. Hotten'у. Автор высказывает мысль о наличии арго (slang) во всех слоях тогдашнего общества, причем в самой характеристике этих арго

²² «N' y-a-t-il pas encore aujourd'hui, surtout chez les peuples parlant des langues différentes, mais groupes sous le joug du même Etat, une véritable adoration, ayant quelque chose de religieux, pour les mots de la langue nationale qu'on surveille avec l'énergie la plus opiniâtre et la plus jalouse, comme s'il s'agissait d'un véritable talisman verbal?» (стр. 215—216) («Не наблюдается ли и сейчас еще, особенно у народов, говорящих на разных языках, но объединенных в одном государстве, подлинное, содержащее в себе нечто религиозное, преклонение перед словами национального языка, с которыми обращаются чрезвычайно бережно и ревностно, как с настоящим словесным талисманом?»).

дает понимание их как особенностей речи, свойственных той или иной социальной группе. Так, например, говоря об арго клерикалов, он считает возможным относить к нему особое протяжное произношение слов *lord* и *god*.

Словарь Hotten'a сыграл в литературе об арго значительную роль. Выдержав в течение ряда лет несколько изданий, словарь этот получил широкую известность вне пределов Англии и, в частности, в России был полностью переведен в 1867 г. В. Бутузовым²³.

Словарь Hotten'a оказал большое влияние на Delvau²⁴, с легкой руки Hotten'a утверждавшего существование арго в каждой профессии.

«En France on parle peut-être français, mais à Paris on parle argot, et un argot qui varie d'un quartier à l'autre, d'une rue à l'autre, d'un étage à l'autre. Autant de professions, autant de jargons différents, incompréhensibles pour les profanes...» («Во Франции, может быть, говорят по-французски. Но в Париже говорят на арго, варьирующемся от квартала к кварталу, от улицы к улице, от этажа к этажу. Сколько профессий, столько и разных жаргонов, непонятных для непосвященных...»).

Надо, впрочем, оговорить, что из среды всех арго Delvau особо выделяет арго воров — «*la langue verte*», которое он, следуя традиции французской «неистойвой словесности», характеризует как «*une langue triviale et cynique, brutale et impusine*» (стр. VIII).

Ближе всего к тому же социологическому подходу стоит и другой плодовитый и оригинальный исследователь арго R. de la Grasserie²⁵. Grasserie различает среди социальных говоров две категории — высшие и низшие. Последние и являются собственно арго. Открыто обнаруживая свои социальные симпатии, Grasserie считает арго естественным языком низших классов, противоположным языку аристократии:

«*Les parlers supérieurs sont parlés par les classes supérieures de la société; les parlers inférieurs par les classes inférieures*» («Étude scientifique sur l'argot», стр. 2—3) («На высоких наречиях говорят высшие классы общества; на низких наречиях — низшие классы общества»).

В следующем своем труде Grasserie совершенно откровенно говорит, кого именно он понимает под «низшими классами»: «A l'opposite de l'élite, s'est-à-dire de la classe supérieure, se trouve la classe inférieure: le prolétariat» («Des parlers des différentes classes sociales», стр. 3) («Элите, т.е. высшему классу общества, противостоит низший класс: пролетариат»).

Три основных момента определяют для Grasserie аристократию: 1) чистота крови («генеалогия»), 2) богатство и 3) воспитание, причем «с'est le second, qui domine, la richesse est le plus fort moteur social»

²³ В. Бутузов. Словарь особенных слов, фраз и оборотов английского народного языка. СПб, 1867 (вступит. статья Hotten'a в переводе опущена).

²⁴ Delvau. Dictionnaire de la langue verte. Paris, 1876.

²⁵ R. de la Grasserie. Du langage subjectif, biologique ou émotionnel et sociologique ou révérenciel opposée au langage psychologique de la pensée. Paris, 1907; Он же. Étude scientifique sur l'argot. Paris, 1907; Он же. Des parlers des différentes classes sociales. Paris, 1909.

(«Des parlers...», стр. 3) («... второе доминирует, богатство — наиболее мощная движущая сила общества»).

Если искусственные и сугубо схематичные построения Grasserie в области социологии не заслуживают особого внимания даже людей, стоящих на одной с ним методологической позиции, если характеристика языка аристократии как языка абстрактного и «духовного» полна у Grasserie грубых натяжек, то исключительного внимания заслуживает блестяще прослеженная им склонность арго конкретизировать и материализовать абстрактные понятия: «Toutes les actions et tous les êtres intellectuels ou abstraits sont transformés en actions et en êtres matériels, c'est la métamorphose argotique» («Étude scientifique...», стр. 19) («Все действия и все интеллектуальные или абстрактные сущности трансформируются в материальные действия и сущности, такова арготическая метаморфоза»).

Представители этого «социологического» направления решительно поставили под сомнение вопрос о тайном характере арго.

Наиболее маститый и осторожный из современных исследователей арго L. Sainéan²⁶, склонный чрезвычайно внимательно относиться к высказываниям других исследователей, уже не признает тайности арго даже в среде воров: «Il n'existe plus aujourd'hui de langue secrète parmi les malfaiteurs. Ceux-ci parlent le même idiome vulgaire que les autres classes du menu peuple, honnêtes ou malhonnêtes: soldats, marins, ouvriers, voleurs etc.» («Le langage parisien au XIX-me siècle», стр. 483) («Сейчас не существует в среде злоумышленников тайного языка. Они говорят на том же вульгарном наречии, что и другие классы мелкого люда, честные и нечестные: солдаты, моряки, рабочие, воры и т. д.»).

Не придают этому положению особенной ценности и английские исследователи G.P. Krapp и H. Bradley («Encyclopaedia Britannica», изд. 14, т. XX, 1930), сомневающиеся не только в существовании тайного языка у воров в настоящем, но и в прошлом не видящие оснований для образования арго с целью засекречивания своей деятельности: «To a certain extent this professional cant of thieves was probably a secret langage, but this could hardly have been the main motive in the invention of the cant. Thieves and vagabonds were a group with a strong sense of corporate unity and one also with certain sporting attitudes that would be highly favourable to the development of a class language» («До известной степени это профессиональное арго воров было, вероятно, тайным языком, однако это едва ли могло быть основной побудительной силой, породившей арго. Воры и бродяги представляли группу с сильным чувством корпоративного единства и со значительной предприимчивостью, что могло в большой степени способствовать развитию классового языка»).

²⁶ L. Sainéan. L'argot ancien. Paris, 1907; Он же. Les sources de l'argot ancien. Paris, 1912; Он же. L'argot de tranchées. Paris, 1915; Он же. Le langage parisien au XIX siècle. Paris, 1920.

Резко отрицательную позицию по отношению к теории тайного и искусственного характера аргю занимает Dauzat, не видящий для нее никаких оправданий. Высказывания Dauzat тем более интересны, что он весьма последователен в своем формально-социологическом подходе к аргю.

Приведу полностью наиболее интересные из его соображений²⁷: «Il est facile de comprendre pourquoi les malfaiteurs, pas plus que les ouvriers, ne parlent point un langage de convention. C'est en effet un travail considérable que de créer une langue artificielle et il n'est pas à la portée de toutes les intelligences les inventeurs des «langues universelles» — volapük, neutral ou espéranto — auraient pu ou pourraient en témoigner. Ignore-t-on, en outre, l'effort intellectuel de chaque instant, qui est nécessaire pendant de longs mois, pour arriver à posséder et à parler couramment une autre langue que la langue maternelle? Comment veut-on que les «Apaches» — qui ne sont pas en général, on en conviendra, des «intellectuels»! — s'astreignent avec leur mentalité rudimentaire, à un tel travail de pensée, quand c'est presque toujours la paresse qui les conduit sur le chemin du vol et du crime?» («Легко понять, почему злоумышленники несколько не в большей степени, чем рабочие, не говорят на искусственном языке. В самом деле, создание искусственного языка непомерно большой труд даже для столь развитых людей, какими являются изобретатели «универсальных языков» — волапюк, нейтраль или эсперанто могут об этом свидетельствовать. Можно ли, кроме того, игнорировать непрерывные интеллектуальные усилия, которые необходимо делать в течение многих месяцев с тем, чтобы овладеть и бегло говорить на втором, неродном языке? Как можно допустить, что «апаши», — которые вообще, как известно, лишены интеллектуальности, — обрекут себя, при их примитивном развитии, на подобный умственный труд, если почти всегда именно лень толкает их на путь воровства и преступлений?»).

Полемизируя с Sainéan'ом, Dauzat резко возражает не только по поводу тайного характера аргю в настоящем (на этом, как мы видели, не настаивает и Sainéan), но отрицает возможность тайного характера аргю и в прошлом: «Comment pourrait il être un langage de convention, cet argot qui conserve encore des mots du XV siècle, qui a évolué lentement, somme toute, et parallèlement à la langue classique, avec laquelle il s'est souvent mélangé par un échange continu d'actions et de réactions réciproques?»

Ne nous laissons donc pas impressionner par les fanfaronnades des *archisuppôts* et des docteurs d'argot de jadis qui ont voulu s'arroger une puissance linguistique qu'ils étaient incapables d'exercer. Ils ont reçu termes et locutions de la bouche de leurs prédécesseurs; comme les grammairiens, ils ont constaté l'usage et ses changements: *ils n'ont rien créé*. Les langages familiers, populaires, techniques, ceux des bandits comme ceux des honnêtes gens, ont une tradition historique tout comme les

²⁷ A. Dauzat. La langue française d'aujourd'hui. Paris, 1923.

langues littéraires: ils procèdent par évolutions progressives, et jamais par brusques révolutions: et cette seule constatation suffit à ruiner la théorie de la «langue artificielle» («Как может существовать условная речь, это арго, еще сохранившее слова XV в., развивавшееся медленно и в общем параллельно классическому языку, с которым оно часто смешивалось в процессе постоянного взаимодействия и противодействия?»)

Не будем же поддаваться фанфаронству архиприспешников и исследователей арго в его прошлом, которые хотели присвоить себе лингвистическую власть, не имея возможности ее осуществлять. Они получили слова и выражения из уст своих предшественников; как грамматисты они утвердили употребление и его изменения: они ничего не создали. Языки фамильярные, народные, профессиональные, языки бандитов, как и языки честных людей, имеют историческую традицию — такую же, как и язык литературный: они развиваются в процессе прогрессивной эволюции, но отнюдь не путем внезапных революций — и этого одного утверждения достаточно для того, чтобы опровергнуть теорию «искусственного языка»). Dauzat²⁸ различает диалекты местные и социальные, первые он называет «les patois», вторые — «les argots».

Исходя из естественности и спонтанности развития арго по «нормальным» законам языка, Dauzat приходит к выводу, что арго есть наиболее продвинутая и передовая часть языка: «Tout argot se crée et se renouvelle par les mêmes procédés que la langue ordinaire». И немного далее: «L'argot populaire est ainsi un véritable français d'avant-garde, et forme le prolongement naturel de la langue familière» («La vie du langage», стр. 194) («Каждое арго возникает и обновляется таким же образом, как и обычный язык». «Народное арго, следовательно, — это истинный передовой французский язык, оно составляет естественное продолжение фамильярного языка»).

В этом конечном выводе своих построений Dauzat последователен и логичен. В самом деле, если признавать развитие арго происходящим по нормальным, одинаковым для всех наречий законам языка, то вполне логично, имея в виду многочисленные и глубокие отличия арго от обычной речи, видеть в нем язык будущего, а чего доброго в его основных и наиболее последовательных носителях — ворах — передовой отряд цивилизации!..

Этот вывод, логичный до конца, сводит к абсурду точку зрения Dauzat на арго и выясняет ее полную неосновательность.

Dauzat, отталкиваясь от учения о тайном характере арго, в конце концов незаметно повторяет многие недостатки этой теории, так как, отрицая своеобразие лингвистических явлений в арго, приравнивая их к обычным изменениям языка, обезличивает его так же, как это делают пресловутые «этнографы», с которыми Dauzat полемизирует. Мы называем этот подход формально-социологическим, так как представители этого направления пытаются подменить подлинное объясне-

²⁸ A. Dauzat. La vie du langage. Paris, 1922. Он же. La langue française d'aujourd'hui. Он же. Les argots. Paris, 1929.

ние арготических явлений «привешиванием ярлычков» принадлежности арго к той или иной социальной группе. Определив принадлежность арго «низшим классам», пролетариату, люмпен-пролетариату, деклассированным или просто лицам, стоящим «на границах общества» («en marge de société»), исследователи считают свою задачу по выяснению происхождения арго законченной.

Представители этого направления (главным образом французы) весьма часто противопоставляют арго как городские диалекты диалектам деревенским — патуа.

Нам кажется вообще методологически неправильным противопоставлять язык города языку деревни. Разделение наречий должно происходить с реальным учетом реальных социальных соотношений. Выделение деревенских диалектов в особую группу еще не отошло по существу от народнических традиций лингвистики XIX в.

Немецкие исследователи Kluge²⁹ и Günther³⁰, добросовестно собравшие обширный материал по арго, не занимают, однако, сколько-нибудь оригинальной теоретической позиции; они целиком во власти самого откровенного «ползучего эмпиризма». Их главные интересы сосредоточиваются на выяснении этимологии отдельных арготических слов. В отношении подобного этимологизирования, слишком часто еще становящегося самоцелью лингвистических исследований, несомненно справедливо утверждение Delvau: «C'est un jeu comme un autre, amusant pour soi, fatigant pour autrui...» («Эта игра, как и любая другая, забавна для играющего, утомительна для других...»).

В лингвистической и в нелингвистической литературе распространено толкование арго как факта психологического. Отдельные психологические соображения, учет психологического фактора в образовании арго мы можем встретить и у Niceforo, и у Grasserie, и у Timmermans'a, и у Dauzat, и у многих других исследователей, которых мы условно относили к тому или иному направлению в изучении арго. Психологические объяснения касаются обычно не столько самого факта существования арго или арготирования в определенной среде, сколько отдельных арготических явлений. Наиболее интересное, на наш взгляд, из всей этой литературы, психологически толкующей явления арго, принадлежит Н. Sperber'у³¹, у которого получили истолкование отдельные арготические образования речи в связи с эмоционально окрашенными комплексами человека.

Основной недостаток этого метода заключается в следующем. Язык рассматривается как продукт индивидуального творчества. Если в работах и говорится о социальном коллективе, то при этом между индивидуальной психологией и коллективной произвольно ставится знак равенства. Между тем мы не только не имеем права подменять коллек-

²⁹ Kluge. Rotwelsch. Strassburg, 1901. Он же. Deutsche Studentensprache. Strassburg, 1895. Он же. Seemannssprache. H., 1911.

³⁰ Günther. Die Deutsche Gaunersprache. Leipzig, 1919.

³¹ Н. Sperber. Einführung in die Bedeutungslehre. Berlin u. Leipzig, 1923.

тивную психологию психологией индивидуума, но и собственно коллективную психологию (если этот термин вообще применим в отношении к языку) должны ограничить одной ее частью — той, которая имеет отношение к мышлению.

Объяснения психологического порядка останавливаются на половине пути. Сам по себе психологический факт не есть нечто абсолютное, на чем можно было бы считать объяснение завершенным. Та или иная психология, тот или иной психологический феномен требуют своего дальнейшего объяснения в фактах социально-экономической действительности.

Заканчивая обзор литературы об арго, мы можем повторить слова, которыми Nicefого начал свою работу: «L'argot à ses légendes!».

Бедность теоретической мысли в вопросе об арго не отразилась на бедности выдвигавшихся предположений. В этой области мы имеем столь же многочисленные построения, сколь и непоследовательные. Литература об арго заключает в себе громадные запасы сырого материала для исследователя, но из нее пока еще ничего нельзя почерпнуть в готовом состоянии.

Мы считаем, что всякое исследование арго должно строиться с учетом трех моментов: арго как факта языка, арго как факта мышления и арго как факта социально-экономической обусловленности.

Только при этих методологических предпосылках можно будет рассчитывать построить теорию арго, стоящую на уровне достижений современной советской лингвистики. Предлагаемые ниже материалы к построению этой теории намечают разрешение вопроса.

Мы считаем методологически целесообразным ограничить пока что круг наших наблюдений арготическими образованиями в профессиональной речи, и притом такими, которые имеют непосредственное отношение к производственным и хозяйственным моментам.

II

При всей условности терминов «арго», «жаргон», «slang», «cant» и других исследователи различных стран, эпох и направлений выделяют ими всегда однородную, определенную группу языковых явлений. Мы безошибочно можем выделить арготические слова и выражения в языке самых разнообразных социальных групп: ремесленников, моряков, нищих, солдат, учащихся. Мы безошибочно отличим их от технических выражений, от терминов и никогда не назовем арго специальный язык инженеров, ученых, техников, квалифицированных рабочих.

Арготические явления замечательны тем, что даже никогда не задумывавшийся над языковыми процессами человек легко и безошибочно выделит и отличит их и в своей и в чужой речи.

Но не только сторонний наблюдатель способен замечать в языке эти арготические явления, — сам арготирующий выделяет и подчеркивает их в своей речи, способен контролировать их употребление, воздерживаться от них или, наоборот, активизировать их по желанию.

Школьник, скажем, будет употреблять свои школьные арготические словечки только со сверстником; он не будет применять их в разговоре с родителями или с преподавателями, если только он не держится с последними на одной ноге. Пьяница будет пускать в оборот весь свой жаргон, все эти *дербануть*, *дербалызнуть*, *вонзить в себя*, *двинуть от всех скорбей*, *амбушюр потерять*, *ковырнуть стаканчик*, *медведя хватить*, *полешко подложить*, *муху раздавить*, *собачку пропустить*, *царапнуть* и т. д., — только с товарищем по выпивке или, во всяком случае, с возможным товарищем по выпивке. Так же точно семья наборщика могла и не подозревать о существовании таких слов, как: *огурец*³², *бык*³³, *козел*³⁴, *муха*³⁵, *покойник*³⁶, *извозчик*³⁷ и т. д., которые в старое время сам наборщик употреблял в разговоре со своими товарищами по работе каждый день.

В противоположность аргю — язык технический (техническая и профессиональная терминология) не имеет этой своеобразной социальной замкнутости. Для употребления технической терминологии вовсе не требуется установления того своеобразного тесного социального контакта, который требуется при разговоре на аргю. В этом основное, разительное и чрезвычайно значительное отличие аргю от языков технических, от той технической терминологии, которой обладает любая профессия. Техническая терминология есть во всякой профессии, арготические слова — далеко не во всякой.

Мы не можем рассматривать аргю как явление исключительно подсознательное, как явление естественной, привычной и обычной речи, которой арготирующий остается постоянно верен, которой не изменяет ни при каких обстоятельствах.

Только что приведенные примеры, количество которых мы могли бы неограниченно увеличить, показывают, что арготирующий может произвольно переходить от употребления обычной речи к аргю и обратно, что аргю подчиняется, по-видимому, какому-то определенному языковому заданию, что употребление арготических слов как арготических до известной степени сознательно и может быть рассмотрено как стилистическая организация речи.

Аргю есть явление вторичного языкового ряда над обычной речью, явление надстроечного порядка. Каждый арготирующий двуязычен, речь его варьируется в зависимости от обстоятельств: в одних случаях он употребляет арготические слова, в других — обычные. В языке чертежников, например, существует арготическое слово *балеринка*, весьма активное и часто употребляющееся. Особенность его заключается в том, что оно не вытесняет своего эквивалента —

32 Шило правщика.

33 Пропуск нескольких слов, строчек и т. д.

34 То же.

35 Неразборчивое место в оригинале.

36 Два раза набранное место.

37 Корректурное исправление, при котором нужная буква «вытягивается» чертой на поле.

циркуль, а существует параллельно. В одних случаях (в своей среде) чертежник прибегает к слову *балеринка*, в других (в менее интимной обстановке) — говорит *циркуль*.

Слово арготической речи и слово технического языка глубоко различны, хотя и могут совместно существовать в языке одной и той же социальной группы. В языке одних групп преобладают арготические слова, в языке других — технические.

В задачу нашей работы входит выяснить три момента: 1) в чем отличие арготического слова от обычного (арго как факт языка); 2) почему в некоторых случаях употребляется арготическое слово, а в других обыкновенное, в чем, следовательно, заключается социальная функция арготического слова, и 3) какими объективными причинами вызывается явление арготического слова (арго как факт социально-экономической обусловленности); все это — по возможности на материале профессиональной речи.

Обычное обывательское мнение определяет арго как язык грубый, вульгарный, озорной, циничный. Сами арготирующие склонны воспринимать его как язык хлесткий, удалый, лихой, остроумный.

В основе и того и другого представления лежит впечатление от особого характера «звучания» арго, от его окрашенности в те или иные эмоциональные тона. *La langue blue, la langue verte, italien rouge, Rotwelsch* — в этих названиях подчеркивается, что арго отличается от обычного языка своим «цветом», особым, присущим ему локальным тоном.

Мы не ошибемся, если в центр определения того, что такое арготическое слово, положим момент специфической однотонной эмоциональной окраски отдельных арготических слов. Основной общий признак, отличающий язык арготирующего от языка инженера или квалифицированного рабочего, заключается в эмоциональной насыщенности первого.

Эмоциональная насыщенность может быть поддержана внешней экспрессивностью, выразительностью слова, тем образом, который в слове заключен. Первый из исследователей арго, который обратил внимание на метафоричность арго, — *Воггоу*³⁸ сразу же отметил ее как характерную и основную черту. Следом за *Воггоу* образность арго отмечают почти все исследователи. В литературе об арго создалась традиция классифицировать арготические слова как продукт эстетического творчества.

Давая характеристику арготических слов, исследователи (и, в частности, *Sainèan*) прибегают к терминам, заимствованным из поэтики по преимуществу: метафора, метонимия, гипербола и т. д.

Однако следует сказать, что экспрессивность (выразительность) не является еще достаточным признаком арготического слова. Технический язык самых разнообразных профессий полон слов, заключающих

³⁸ *Borrow. The zingali or an account of the gypsies of Spain, v. II. London, 1843, стр. 132 и сл.*

какой-либо образ, метафору. *Горбыль* у плотников, *штопор* у летчиков, *pig* у английских литейщиков — все это слова метафорические, может быть и имевшие когда-нибудь эмоциональную зарядку, но давно уже ее утратившие и ставшие чисто техническими, номенклатурными терминами³⁹.

Таким образом, внешняя экспрессия, выразительность может служить только косвенным признаком арготического слова. Экспрессия содействует проявлению эмоциональной стороны слова, но она в ней еще не обязательна.

С другой стороны, мы могли бы также легко показать, что только эмоциональная действенность слова также не может еще служить достаточным признаком его принадлежности к явлениям арготического порядка. Эмоциональной может быть речь взволнованного человека, речь поэтическая, можно говорить о большей эмоциональности женской речи⁴⁰ в отличие от мужской, об эмоциональности логического ударения, об эмоциональности прямой речи и т. д. Если под эмоциональной насыщенностью слова мы будем подразумевать некоторое закрепление за словом нашего эмоционального отношения к явлению, которое оно выражает, то таких случаев мы найдем очень много и в нашей обычной, совсем не арготической речи.

Однако нетрудно заметить, что эмоциональная зарядка арготической речи чрезвычайно своеобразна, характерна и отлична от всякой иной, не арготической. Возьмем ли мы такие слова воровского арготического жаргона, как: *псира*, *лярва*, *задрыга*⁴¹, *волосатики*⁴², *аршин*⁴³, *когти рвать*⁴⁴, *на скрипке играть*⁴⁵, *плясать чечетку*⁴⁶, *вертеть головой*⁴⁷, *банки ставить*⁴⁸, *бусать*⁴⁹, или слова арготического жаргона шулеров: *боковой ветер*⁵⁰, *сквозняк*⁵¹, *клиент*⁵², *пассажир*⁵³, *динама*⁵⁴, *замазка*⁵⁵, *шанс*⁵⁶, *ерш*⁵⁷,

³⁹ Ср. также термины: *зубец*, *колесо*, *шейка*, *глазок*, *язык*, *сердечник*, *хобот*, *хвост*, *лоб*, *щечки*, *хребет*, *плечико*, *палец*, *когти*, *ушко*, *ножка*, *ручка*, *шапка*, *рукав*, *муфта*, *кошка*, *бык* и т. д.

⁴⁰ Женская речь, особенно в сельских местностях, отличается обилием эмоциональных междометий и восклицаний: *ах!* *ужас!* и т. д.

⁴¹ Воровские бранные слова; *задрыга*, впрочем, может быть и ласкательным (ср. *задрыга жизни*).

⁴² Чужие, «не свои».

⁴³ Купец.

⁴⁴ Убегать (главным образом при погоне).

⁴⁵ Подпиливать тюремную решетку.

⁴⁶ Доносить, играть на руку агентам уголовного розыска.

⁴⁷ Играть в кости, раскроить голову.

⁴⁸ Бить, наносить тяжелые, увесистые удары.

⁴⁹ Ср. англ. арготич. *booze* 'пить'; *bowse*, *booze* или *suchk-casa* (ср. русск. воровск. *хаза*) 'питейный дом'; *boozing-ken* 'пивная лавка'.

⁵⁰ Боковая передержка.

⁵¹ Обыгрывание жертвы одновременно несколькими шулерами.

^{52, 53} Жертва шулеров.

⁵⁴ Проигрыш без уплаты.

⁵⁵ Тяжелый проигрыш.

⁵⁶ Шулерский прием вообще.

баламут⁵⁸, букет⁵⁹, угадать⁶⁰, боярывать⁶¹, фаловать⁶², заложить⁶³, — всюду мы имеем в основе качественно приблизительно одинаковую эмоцию, качественно одинаковое эмоциональное отношение к явлению, легко при этом улавливаемое всяким, имевшим соприкосновение с арготической речью⁶⁴. Каждый раз эмоция арготического слова знаменует вполне определенное отношение арготирующего к внешнему миру.

Итак, в основание отличия арготического слова от всякого иного мы считаем наиболее удобным положить эмоциональный характер его, но при этом специфический, присущий только арго и легко отличимый от всякого иного.

В нашу задачу не входит полное раскрытие содержания этой эмоциональной стороны арготического слова. Вопрос этот слишком сложен, чтобы его можно было достаточно подробно осветить в узких пределах нашей работы. В данном случае мы хотим лишь установить ту связь, которая существует между арготическим словом и эмоцией смешного.

Еще старые английские названия арго *jesting speech* (или *jesting language*) и *merry greek* подчеркивают юмористический, шутливый его характер⁶⁵. Шутливый характер языка офеней и некоторых других арго начала XIX в. также отмечался исследователями. Это же свойство арго отмечает и G. Krapp и H. Bradley в «Британской энциклопедии» (v. 20, статья «Slang», XIV ed., 1930): «An element of humour is almost always present in slang, usually as humorous exaggeration. Thus to call a hat a lid is amusing because it puts a hat and a pot-lid in the same class. So when an alluring woman is called a vamp, from vampire. Slang is rarely or never bitter in its implied judgments. It places things in their proper places with a smile»⁶⁶ («Элемент юмора почти всегда содержится в сленге, обычно в виде юмористического преувеличения. Так, назвать шляпу крышкой — смешно, потому что это ставит шляпу и крышку горшка в один ряд. То же происходит, когда привлекательную женщину

57, 58 Некоторый специальный шулерский прием.

59 Карты, сданные шулерскими приемами.

60 Выиграть с помощью шулерского приема.

61, 62 Уговаривать, «заводить» жертву на игру в карты.

63 Приготовить шулерскую колоду, подготовить шулерский прием, обмануть и др.

64 Ср. также дореволюционное офицерское арго: *фендрик*, *штафирка*, *шпак*, *надир*, *пробор*, *цукать*, *скакать* (играть на скачках), *обалдеть можно!* *Алфераки с пуговкой!* *И-да, кандеряпистая!* *Адски!* *Смотрит как бзым!* *И вас по тому же месту!* (см.: Ю. Беляев. Барышни Шнейдер. СПб, [б. г.]).

65 В этом, между прочим, еще одно доказательство того, что арго всегда было глубоко отлично от языков «тайных» и от технической терминологии. Вряд ли возможно употребление терминов *jesting speech* и *merry greek* в отношении таких «серьезных» явлений, как тайный язык или техническая терминология.

66 Тот же юмористический, шутливый характер арго отмечается в статье об английском «rhyming slang» («The Bookman», 1934, October, стр. 33): «The Cockney takes a humorous views of life, and hides his tolerance under a veil of criticism. It is as if he were pointing out that he hates bluff or swank of any kind». Ar. Silvestre в предисловии к книге Альбера-Леви и Пине (Albert-Lévy et G. Pinet. L'argot de l'X, illustré par X. Paris, 1894; ср. последующее изд. 1905 г.) называет арго Политехнической школы «joyeux langage» (стр. XIII).

называют а *vaupr* от *vauprige*. Сленг в редких случаях или даже никогда не бывает жестоким в своих намекающих суждениях. Он с улыбкой ставит вещи на их собственные места»).

Надо, впрочем, отметить, что элемент смешного, который заключен в арготическом слове, пропадает вне живого употребления и редко доходит до исследователей, если только они не черпают своих материалов из непосредственного наблюдения речи арготирующих. Вот почему исследователи трудно доступных для наблюдения арго за редкими исключениями обходили этот существенный момент молчанием.

Тем более интересно, что именно эту сторону арготического слова отметили все исследователи в арго военных (во Франции — *poilu*) в период войны 1914 — 1918 гг.⁶⁷ Война приблизила арго к исследователям, доставила им больше случаев непосредственно познакомиться с военным арго и, наконец, — что, может быть, самое важное, — доставила возможность наблюдать арготические слова в процессе их зарождения.

Эмоция арготического слова не есть смешное в своем чистом и непосредственном состоянии. Остроумие арготического слова в значительной мере стерто и разменено в процессе длительного употребления. Это не шутка, а некоторый намек на шутку, не смешное, а знак смешного. Мы увидим в дальнейшем, что шутливый характер арготических слов зависит по преимуществу от внешних обстоятельств, вызвавших это слово к жизни. Эмоция арготического слова точнее всего может быть определена как смешное в потенции; однако при этом мы имеем в виду только одну сторону этой эмоции — именно ту, которая нам будет нужна в дальнейшем при выяснении функции арготического слова.

Разберем прежде всего те арготические слова, в которых элемент смешного имеется в наиболее незамаскированной форме.

Для истории русского арго незаменимый материал представляют две книги XVIII в., связанные с именем Ваньки Каина: «История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» (изд. 3. М., 1792) и «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов, сочиненное М. [атвеем] К. [омаровым] в Москве 1775 г.» (СПб, 1779).

Многие экспрессивные слова современного воровского арго представлены в этих книгах в виде развернутых острот. Вор — *купец пропалых вещей* (в XIX—XX вв. *купить* — украсть, *купец* — карманный вор). На допросе Ванька Каин говорит: «...баня здесь дешева, стойка по грошу, лежанка по копейке» (в XX в. — допрос — *баня*, следовательно — *корыто*, карцер или дежурная комната в полицейском участке — *па-*

⁶⁷ L. Sainéan. L'argot des tranchées. Paris, 1915; Fr. Déchelette. L'argot de poilus. Dictionnaire humoristique et philologique du langage des soldats de la grande guerre de 1914. Paris, 1918; A. Dauzat. L'argot de la guerre, d'après une enquête auprès des officiers et des soldats. Paris, 1918; Esnaut. Le poilu tel qu'il se parle. Paris, 1919. — Любопытные примеры военного языка немцев приведены в кн.: Н. Sperber. Einführung in die Bedeutungslehre, 1923, стр. 45—46.

рилка). Когда шел грабить помещика Шубина, Ванька Каин предуведомлял его так: «...неужели у тебя летней одежды нет, а всегда ходишь в шубе? Почему и будут к вам портные для шитья летних кафтанов» (сейчас есть выражение *сшить одежду* — ограбить дочиста). Воровство — *черная работа* (сейчас ограбление со взломом — *подработка*). Тайная канцелярия — *стукалов монастырь* (сейчас *стучать* — доносить).

Почти весь жаргон Ваньки Каина состоит именно из таких острот: виселица — *качалка*; тюрьма — *каменный мешок* («в тот мешок спрятал, чтобы никто не нашел»); застенки — *немшонная баня* («где люди весят, сколько кто потянет»); кандалы — *монастырские четки*; мошенничество — *тихая милостыня*; делать фальшивую серебряную монету — *тянуть заповедное серебро*; вино — *товар с безумного ряду* (у Дорошевича в «Сахалине» водка — *сумасшедшая вода*); пьяный — *сырой* (сейчас *намокнуть* — напиться)⁶⁸.

Большинство арготических слов исчезающего сейчас особого жаргона наборщиков также, очевидно, берет свое начало от шутки. Например: *правка огурцом*, по-видимому, имеет в виду такое состояние опьянения, когда правщик вместо шила правит соленым огурцом, служащим ему закуской. Словечко *муха*, очевидно, имеет в виду шутовское объяснение происхождения неразборчивого места — оригинал засидели мухи. В словах *извозчик*, *вожжи* заключается уподобление неразборчивой корректуры детской игре в извозчика (играется на бумаге).

Так же точно, как приведенные выше остроты Ваньки Каина, отражающие существовавшую в его среде манеру острить, шутить, постепенно сокращаясь и концентрируясь в одном слове, дали слова речи воров, у наборщиков известные стереотипные шутки, повторяющиеся изо дня в день, дали в конце концов арготический жаргон наборщиков⁶⁹.

Секрет нестирающегося остроумия всех этих слов заключается в том, что смешное в них постоянно поддерживается обусловившими их возникновение причинами. Стоит только эмоционально-экспрессивному, арготическому слову попасть в чужую среду, для которой недействителен весь «*entourage*» слова, чтобы остроумность его пропала. Арготическое слово включает в себе этот намек, знак, потенцию смешного до тех пор, пока смешное вызывается обусловившей его причиной.

Почти каждое исследование или словарь арготического жаргона включает в себе примеры слов, в которых смешное выступает в слабо замаскированной

⁶⁸ В доказательство того, что в данных примерах мы имеем не индивидуальную особенность речи Ваньки Каина, а явление общее для стилистической направленности арготической речи XVIII в., привожу пример из другой книги: «Похождения Ивана гостинного сына» (ч. 2, СПб, 1785): нищий «вздумал с товарищи другое *набожное ремесло*, но начал уже *сбирать с прохожих подати* и ходить по дворам в покой и в чердаки за *милостынею*. Но сие *мастерство* не долго им исполнять удалось, потому что есть *чернецы* и на Симонове, так и в Москве не все простаки. Как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было и вылезть; отведены были в сыскальной приказ к суду, где *мазали* их по спинам долгою об одном конце плетью, а после *парили* сухими вениками и трусили зажжонные на теле листья, и хотя *баня* была и не топлена, но вельми жарка показалась» («О лукавом нищем», II, стр. 91—94. Курсив мой. — Д.Л.).

⁶⁹ Об экономящей тенденции в остроумии вообще см.: З. Фрейд. Остроумие и его отношение к бессознательному. Перевод с немецкого, стр. 160.

форме, остроумность которых заключена в метафоре, метонимии, гиперболе и т. д. Однако надо учесть и те случаи, когда смешное скрыто глубже и сохраняется лишь в живом употреблении. Например, любое достаточно развитое арго включает в себе слова иностранного происхождения. Связь арго с иностранными языками отразилась в названиях различных арго, например: «St. Gile's Greek», «Pedlar's French», «Rotwelsch», «Germania» (испанское арго), «Lingua Franca» (итальянское арго) и др.

Отдельные примеры слов иностранного происхождения показывают, что эмоционально-экспрессивная сторона их в арго не слабее, чем у слов метафорических. Существенную роль в этой эмоциональности иностранных слов в арго играет вышучивание национальных особенностей чуждого языка. Это вышучивание должно быть поставлено в связь с такими явлениями, как искажение слов в подражание иностранцам, плохо знающим язык, шутливое подражание акценту чуждого языка (например, цыганского, еврейского), шутливое введение в речь старинных и провинциальных слов и т. д., которые широко употребляются в русском воровском арго.

Языки еврейский и цыганский, к которым в отдельных слоях населения существовало особое предубеждение, оказались в арго наиболее действенными, дав в русском, немецком и английском языках наибольшее количество арготических производных. Легко понять, почему шутливые заимствования именно из этих языков оказались так плодотворны.

Надо вообще сказать, что слова чуждого, незнакомого языка имеют склонность получать эмоционально-экспрессивную зарядку. У школьников были, например, в большом ходу в качестве аргоидных образований слова латинского и греческого языков. Старая бурса создавала «микофарские» и «сирамские» языки в подражание иностранным. Аналогичное явление мы имеем и в применявшейся у офеней «отверницкой говорке», которая также, очевидно, была создана с расчетом на впечатление «иностранной» речи и которую, кстати сказать, некоторые исследователи считали несомненным доказательством «условного» характера арго⁷⁰.

Вот несколько примеров слов, образованных по такому «искусственному» принципу в офенской речи.

I. Приставка слога в начале слова: а) слога *ку*: *кулето* — лето, *куможно* — можно, *куштаны* — штаны; б) слога *шу*: *шулуна* — луна, *шунебо* — небо.

II. Замена первого слога слогом *ши*: *шивар* — товар, *широбка* — коробка.

III. Вставки отдельных звуков между слогами: *знахтить* — знать, *плаксырить* — плакать.

IV. Изменение окончаний: *сластим* — сладость, сахар, *ситим* — ситец.

⁷⁰ В том числе В.М. Жирмунский (см. его книгу «Национальный язык и социальные диалекты». Л., 1936).

V. Перестановка слогов и звуков: *масола* — солома, *скандалит* — стакан налит, *лопица* — полиция⁷¹.

Способов образования слов в этом роде огромное количество. Наиболее употребительные из них имеют названия, например: «разговор по шицы», по которому фраза «пора домой» будет *ширапоцы шимойдоцы*; или «разговор по херам» (от названия буквы), где та же фраза будет: *ширахерпоцы шимойхердоцы*.

То, что во всех этих случаях мы имеем дело с шутовой, озорной, эмоционально-экспрессивной речью, доказывается экспрессивностью некоторых сохранившихся до нашего времени слов этого рода. Например, в среде любителей выпивки до сих пор есть арготическое словечко *лампопо*⁷² — пополам, образованное с помощью перестановки слогов, или словечки уличного жаргона *ширман* — карман (отсюда *ширмач* — карманный вор) с той же самой приставкой *ши*, посредством которой образовались и офенские слова *шлякомый*, *шлякомиться* — знакомый, знакомиться и др.⁷³

В английском *slang* мы имеем аналогичные явления. Например, «*gibberish*» — жаргон, образующийся приставкой согласной буквы к каждому слову. На этом языке выражение «How do you do!» будет звучать: «Howl dol youl dol!».

Во французском распространено было прибавление двух слогов, из которых в первом обязательно было *r*, а во втором *g*. Фраза «vous êtes un fou» должна была звучать на этом языке: «Vousdregue esdregue undregue foudregue».

Часто окончание заимствовалось из популярных песен, создавались окончания, модные в определенные годы. В 1930 г. в Париже было модным добавлять к словам слог *mare*; например, *café* — *cafémare*⁷⁴.

В 1823 г., когда диорама⁷⁵ произвела на всех впечатление, употребляли окончание *rata* («*parler en rata*»). Этот способ образования слов встречаем у Бальзака в «*Père Goriot*».

⁷¹ Любопытное известие о том, что «кубрайский язык», в значительной мере основанный именно на этом принципе шутового искажения речи, «до сих пор» (т. е. до 1927 г.) в употреблении у дорогобужских жителей, имеется в статье Клетновой «Символика украс Смоленского края» («Труды смоленских городских музеев», вып. I. Смоленск, 1927).

⁷² См.: Н.С. Лесков. Полное собрание сочинений, т. 2. СПб, 1902, стр. 78 и сл.

⁷³ У Брейтмана («Преступный мир», 1901) встречается выражение *мациент* — *пациент*.

⁷⁴ О разговоре на *mare* см.: A. Privat d'Anglemont. Paris anecdote. Paris, 1854.

⁷⁵ Род панорамы с боковиками и полупрозрачным задником, освещаемым изнутри или снаружи, в зависимости от чего подробности рисунка меняются. Вл. Строев («Париж в 1838 и 1839 годах», 1841) пишет: «Панорамы, косморамы, диорамы, неорамы и пр. ежедневно приманивают посетителей и утром, и вечером...» (стр. 203). «В панорамском пассаже бывает такая толпа, что невозможно пошевелиться. Это место служит пунктом соединения мелких воров, которые крадут из карманов платки, кошельки, часы и пр.» (стр. 195).

Затем следует упомянуть о звукоподражательных словах, широко описанных в различных работах об арго.

К этому же разряду шуточной, озорной речи относится и так называемый рифмический жаргон лондонских разносчиков. Эти разносчики, привыкнув в стихах и прибаутках рекламировать свои товары, в конце концов стали заменять некоторые слова обычной речи рифмующимися с ними словами, например: — lodger — artful dodger, looking glass — snake in the grass, shilling — Abraham'villing, sorrowful tale — three months in jail, yes — Brown Bess⁷⁶.

Очень часто и в нашем арго эмоционально-экспрессивные слова рифмуются с обычными и употребляются одновременно в своеобразных скрещиваниях, например: *старец-шварец, траля-валя, шкары-нары* и др. Это явление находит себе параллель в эмоциональном языке детей. Ср., например:

Мимо нашей-то деревни
Передралися слепые
Костылями-мостылями
Перевертышами.

Тани, бани,
Что под нами,
Под железными столбами.

Ты куколка,
Я муколка,
Что в гости не шла?

Туры, буры, рататуры,
Деревенски бабы дуры.

Чики, брики,
Черевики...

Федя-медя съел медведя,
Кошка драна, мышь погана.

Солнышко-ёлнышко...

Таким образом, мы должны сказать, что эмоция арготического слова заключается в шутке, в озорстве, с которыми это слово произносится.

Эмоция арготической речи — это ослабленное смешное, и она может присутствовать либо в сокращенной, стереотипной остроте, либо в слове иностранного происхождения, либо в слове искусственного происхождения с перестановкой или добавлением слогов, в рифмической речи и т. д.

⁷⁶ Примеры взяты из кн.: «A dictionary of modern slang, cant and vulgar words». London, 1860.

Если есть остроумное, удачное выражение — арготирующая среда берет его, приспособляя для своих нужд, нет его — арго заимствует слова из другого языка, не хватает и их — арготирующая среда создает их сама, ломая и коверкая слова обычной речи.

Мы можем установить приблизительно верное правило: если эмоционально-экспрессивных слов в арго немного — они почти всегда являются сокращенной остротой, шуткой; если слов больше — появляются заимствования из чужой речи; слов еще больше — появляются слова, получившиеся в результате ломки обычной речи.

Арготическим может быть любое слово, лишь бы оно было новым по сравнению с обычным. В этом находят себе объяснение легкость и быстрота появления в арго новых слов.

III

Прежде чем перейти к следующей части нашей работы, мы должны отметить, что отдельные индивидуальные эмоции человека могут отражаться в языке лишь в сугубо ограниченной и трансформированной форме. Когда мы говорим о том, что арготическая речь эмоционально насыщена, мы прибегаем к совершенно условному определению, которым пользуемся за неимением лучшего. Вот почему мы не брались и не беремся выразить адекватными психологическими терминами эту сторону арготической речи.

Индивидуальные эмоции человека могут быть переданы с большей или меньшей степенью полноты только в стилистически организованной речи (индивидуальной, художественной), в отдельных же словах (а эмоциональность арготической речи зависит от эмоциональной насыщенности именно отдельных слов) могут получать отражение лишь наиболее социальные эмоции человека. Такой эмоцией, к выражению которой одной своей стороной приближается арготическое слово, и является эмоция смешного.

Смех невозможен в одиночку⁷⁷, он всегда требует аудитории, некоторого сочувствия и соучастия, если не реального, то, во всяком случае, воображаемого.

В социальном характере смеха⁷⁸ находит себе объяснение и своеобразие социального характера арготического слова.

Арготическое слово тесно связано с породившей его социальной средой. Обусловленность его явлениями внешнего характера такова, что оно не может быть понято, во всяком случае, в своей эмоциональной части, людьми чуждой социальной группы. Арготическое слово всегда стремится распространяться, оно всегда активно, его часто употребляют в разговоре, оно заразительно, но, несмотря на всю свою склонность к распространению, к экспансии, оно не может распространяться до бесконечности. Оно может жить внутри круга какой угодно величины, но

⁷⁷ Смеющиеся в одиночестве люди обращают на себя внимание как «чудаки».

⁷⁸ Социальная природа смеха отчасти прослежена в кн.: Н. Bergson. *Le rire, essai sur la signification du comique*. Paris, 1900.

круг этот тем не менее остается замкнутым. Арготическое слово живет известным резонансом, и чем теснее круг его распространения, чем более замкнута среда-носитель, тем отчетливее этот резонанс, тем это слово легче возникает, скорее распространяется, тем оно ярче, эмоционально-экспрессивнее. Арготическое слово всегда скрывает заднюю мысль о каком-то соглашении, о какой-то общности интересов между участниками разговора, мы бы даже сказали — о «заговоре»⁷⁹.

Мы говорим о некотором соглашении, в которое вступают говорящие на арго, но всякое соглашение заключается о чем-нибудь. Мы говорим о заговоре, но заговоры всегда происходят против кого-нибудь. О чем же заключается соглашение в арготическом слове, и против кого оно направлено?

Арготическое слово заключает в себе элемент «соглашения» о коллективном отпоре неприятным воздействиям внешней среды. Арготическое слово есть своего рода общественный жест, символизирующий «мужественное», пренебрежительное, насмешливое, «критическое» отношение к действительности.

Преподаватель, в особенности если он неровен в обращении с учениками, если поступки его рассматриваются ими как проявления произвола и если при этом сами ученики ощущают свой коллектив как обособленный, отъединенный, замкнутый (что бывало, например, в старых закрытых учебных заведениях), — получает кличку, прозвище⁸⁰. Эта кличка всегда фамильярна, всегда равняет преподавателя с учениками. В этой кличке ученики как бы подчеркивают, что они не боятся преподавателя, что они ставят его вровень с собой или даже ниже себя. При этом совершенно неважно, приятен ли ученикам этот преподаватель в целом или неприятен, ожидают ли они от него выгоды себе или неприятностей: ласкательные прозвища и прозвища злые гораздо меньше различаются между собой, чем это принято думать.

Вот такой же кличкой представляется нам и арготическое слово, и так же точно, как кличка не мешает обладателю ее иметь настоящие фамилию, имя и отчество, арготическое слово свободно сосуществует рядом с обычным словом, обозначающим то же явление.

Точно так же, как кличка, арготическое слово воспринимается как нечто ненастоящее, незаконное, шуточное, маскарадное. Любой носитель арго с легкостью переходит от употребления арготических слов к обычным и обратно, совершенно автоматически, совершенно не задумываясь. В обстановке, где все «свои», арготирующий будет больше прибегать к арготическим словам, там же, где «своих» нет, будет их избегать. Это происходит в воровском арго, в арго бытовых, в арго

⁷⁹ В предисловии к кн.: Albert-Lévy, G. Pinet. *L'argot de l'X*, illustré par X (Paris, 1894) A. Silvestre отмечает следующую особенность в характере пользования арго Политехнической школы: «L'argot de l'X, comme l'ont appelé les auteurs de cet aimable Dictionnaire, est aussi, entre nous qui avons quitté depuis longtemps l'École, un signe de raillement, unio façon de langage maçonnique» (стр. VII).

⁸⁰ Аналогичное явление мы имеем и в некоторых старых армиях. Кромвель, например, имел прозвище Old Noll, Веллингтон — Conkey, Nosey.

профессиональных. Арготическое слово употребляется только там, где нужно как-то отстраниться от действительности, выразить свое пренебрежительное, иной раз «ухарское» к ней отношение и где выражение этого пренебрежения найдет сочувствие у слушателей.

Арго есть словесный маскарад, арготическое слово — маска, притом маска, долженствующая выражать известное превосходство над внешней средой, известное преодоление ее.

Что хотел выразить школьник, называя преподавателя Петра Павловича *Пене*, а преподавательницу Наталью Михайловну — *Натмих*? Прежде всего то, что они не страшны для него, что «случай», воплощенный в лице этих двух преподавателей, не владеет им, не может его вывести из состояния душевного равновесия. То же самое хотел выразить и наборщик, называя пропуск *быком*, а два раза набранное место — *покойником*⁸¹.

Совершенно ясно, что чем больше опасностей представляет профессия для жизни, тем сильнее в ней развиваются арготические слова, выражающие понятие смерти, понятие «умирать». Наибольшее количество арготических слов в отношении смерти будут давать профессии военных (конечно, по преимуществу в условиях войны), летчиков, пожарных, профессии, связанные со специфическими вредностями и т. д. Вот несколько таких арготических слов эпохи империалистической и гражданской войн: умереть — *загнуться, забуреть, вспухнуть, дать дуба, сыграть в ящик, поплыть с ледком, отправиться на луну газеты читать* и др.; смерть — *Загиб Иваныч, Загиб Петров, Иван Петров или Петр Иваныч, курносая* и др. У французских моряков: умереть — *avalier sa gaffe* 'проглотить крюк', *être sur le planché du coq* 'очутиться на доске кока', *boire dans la grande tasse* 'пить из большой чашки' и др. У Даля в книге «О наречиях русского языка» (СПб, 1852) есть следующее место: «Кстати, уверяют, будто есть также бурлацкий язык и будто в разных городах Поволжья составляют словарь этого языка. Напрасно: такого словаря не будет, потому что языка этого нет; разве угодно будет назвать так судоходные выражения по Волге или шуточные выражения гульливой молодежи: хлебалка — ложка, ядало — рот, нюхало — нос, грабилки — руки и пр.». Вопреки Далю, мы находим в этих выражениях зачатки определенного арго, причем такие слова, как *хлебалка, едало*, говорят о систематических недоеданиях.

Ту же «голодную» психику мы видим и в слове австрийских солдат, относящемся ко времени империалистической войны, — *Guljaschkanone* 'походная кухня'⁸². Аналогично этому все профессии,

⁸¹ Ср. высказывания А.В. Луначарского («О смехе». — «Литературный критик», 1935, № 4): «Смеющийся осознает свое превосходство по отношению к тому, кого подвергает насмешке, он старается вскрыть черты слабости, имеющиеся у противника» (стр. 7). «Сарказм заключается в том, чтобы унижить противника путем превращения того, что он считает серьезным, в ничтожное, того, что он считает за благо и положительное, в отрицательное» (стр. 8).

⁸² Ср. нем. воен. *Schrapnellkugeln* 'крупа' (ср. русск. воен. *шрапнель* 'перловая каша'), *Schrapnel* и *Handgranate* 'картофель' (см.: Н. Sperber. Указ. соч.); ср. также франц. воен. *chrapnelles* 'фасоль' (Esnaut. *Le Poilu tel qu'il se parle*. Paris, 1919).

связанные с бродячим образом жизни (офени, бродячие ремесленники), имели много эмоционально-экспрессивных обозначений для понятий ночи, ночевки; торговцы — для обозначения покупателей; поморы — для обозначения погоды и т. д.

Типичный пример образования арготизма в военной среде приводится в цитируемой Niceforo книге «Conseils d'un vieil adjudant à un jeune soldat» (Paris, 1909): «Il me souvient qu'aux manoeuvres dernières, pendant une journée de marche, sous un soleil de plomb, dans un nuage continu de poussière, ma section était harassée. A chaque halte c'étaient des chutes dans les fossés plutôt que des repos tranquilles. Me rendant compte de cet état de choses j'eus l'idée, au coup de sifflet du capitaine de remplacer le commandement par la phrase suivante: «Ceux qui n'ont pas de commissionnaires sont priés de prendre leurs valises». Et aussitôt chacun de mes hommes de répéter: «En avant les valises». Le mot avait fait fortune: il n'a été qu'un écho pendant tout le reste de la manoeuvre...» («Мне помнится, что на последних маневрах, во время целого дня марша, под палящим солнцем, в сплошном облаке пыли, мой взвод был изнурен. На каждом привале люди просто падали в канавы, а не отдыхали спокойно. В такой обстановке у меня и возникла мысль заменить команду при свистке капитана следующей фразой: «У кого нет носильщика, берите, пожалуйста, свои чемоданы». И тотчас каждый из моих людей стал повторять: «Берите чемоданы». Слову повезло: оно только и звучало как эхо до самого конца маневров...»). Выражение *prendre ses valises* 'взять свои чемоданы' вместо обычного *se mettre en marche* 'двинуться в путь' получило такое широкое употребление в этой среде именно потому, что оно выразило потребность коллектива (в данном случае воинской части) шутливо и легко отнестись к тяготам походной жизни.

Как бы удачно ни было выражение, оно никогда не могло бы оказаться введенным в оборот, если бы за ним не стояли серьезные основания внешнего характера.

В условиях капиталистического хозяйства, где для части рабочих безработица обычное состояние, а работа случайность, образуется арготическое слово, обозначающее поступление на работу или уход с работы⁸³. Безработные Германии обладают арготическим выражением *stempeln gehen* 'ходить отмечаться на биржу труда', шутливо подчеркивающим бессмысленность этого хождения и безнадежность получить там работу⁸⁴.

Итак, арго есть явление своеобразного мироощущения. Произнося арготическое слово, человек символизирует свою нечувствительность к враждебным и неприятным воздействиям. Арготическое слово мешает

⁸³ Вот несколько примеров слов, связанных с безработицей, почерпнутых нами в словарях *slang*: *out of collar* 'быть без работы', *to get the sack* 'оказаться рассчитанным', *to knock off* 'покинуть работу', 'быть вытолкнутым с работы'.

⁸⁴ Остроумие, несомненно, мрачное и суровое, но мы ведь и не приравниваем эмоцию арготического слова к эмоции веселого.

серьезно отнестись к явлению, оно экономит силы, сберегает энергию. Арготическое слово показывает, что произносящий запросто знаком с неприятностью, не боится ее, что самую неожиданность он рассматривает как нечто весьма ожидаемое и обычное. В арготическом слове есть оттенок фамильярности, вольности обращения, «амикошонства». Цель арго — высмеять враждебную стихию.

Вот почему всякое арготическое слово для представителя чужой социальной среды кажется циничным, вульгарным, свидетельствующим о какой-то черствости, неподатливости, косности психики, безжалостности, неуступчивости, а для самого арготирующего наряду с остроумием, хлесткостью имеет еще оттенок приподнятости и даже героичности.

Казалось бы, что такая постановка вопроса ведет к признанию полезности и целесообразности существования арго? На самом деле мы держимся резко противоположного взгляда. Может быть, арго когда-либо и выполняло полезную функцию, но в настоящее время это явление отрицательное. Арготическое слово возникает только там, где арготирующий не осознает, не знает причины беспокоящего его явления, где им усматривается случай, где он не может ни предугадать совершающееся явление, ни растолковать его. Арготическое слово показывает, что перед данным явлением арготирующий зашел в тупик. Арготическое слово, его эмоционально-экспрессивная данность есть признак слабости, есть следствие отказа мышления признавать разумность, «причинность» происходящего.

Следовательно, в тех профессиях, где арготическое слово есть результат известного их несовершенства, оно выражает неразумность, непонятность отдельных сторон производственного процесса. Арготическое слово есть не только защитная, но, я бы сказал, «убегательная» реакция. В арготическом слове мы имеем как бы переключение рубильника, выключающего мышление и дающего выход эмоциям.

Представление об удаче, о судьбе, о счастье — вот что стоит за каждым арготическим словом: удастся или не удастся, повезет или не повезет, выпадет счастье или не выпадет счастье.

Возьмем, например, язык пьяниц. В насмешливо-экспрессивных названиях пивных⁸⁵, в названиях напитков, самого процесса опьянения и различных его степеней алкоголик как бы утверждает, что одолеваящая его страсть не владеет им, что он далек от нее и способен еще сам над ней посмеяться. Но эта уверенность — самообман, и арго в данном случае способствует закреплению его склонности.

Возьмем другой пример: язык наборщиков не так давно, в XIX в., имел довольно много арготических слов, ныне почти исчезнувших. Арготические выражения наборщиков были тесно связаны с браком выпускаемой ими продукции. Все эти *правки огурцом*, *читки шапкой*, все эти *быки*, *козлы*, *покойники*, *извозчики* способствовали бездействию,

⁸⁵ Почти каждая пивная на арго «шефствующих» над ней постоянных посетителей имела прозвище: *Дервяшка*, *Гробики*, *Ямка* и т. д.

добродушно-насмешливому отношению наборщиков к этим резко отрицательным явлениям, притупляли впечатление от них.

Возьмем третий пример — арго лесорубов, лесосплавщиков, где арго тесно связано с чисто физическими травмами. Скажем, у сплавщиков для зачистки гонок употреблялся вертикальный ворот без закрепления штырей в подпятниках. От этого ворот представлял существенную опасность для сплавщика — будучи отпущен, он действовал, как разворачивающаяся пружина, и ударом мог ушибить стоящего около работника. Соответственно той опасности, которую представлял, он получил арготическое прозвище *пьяная баба*. Это арготическое слово заключало в себе элемент бравады, освобождая сплавщиков от психической травмы.

IV

Наиболее трудная и ответственная часть исследования арго — это выяснение социально-экономических причин, вызвавших появление арготических явлений в языке.

Мы бы остались в узких пределах психологизма⁸⁶, если бы считали нашу задачу законченной на установлении связи арготического слова с некоторым сопротивлением внешнему травмированию. При этом мы не только не довели бы нашего исследования до конца, но дали бы явно неправильное представление об арго.

Слова арготической речи — это слова курсивные, выделенные в обычной речи, как-то привлечшие к себе внимание, но не следует думать, что это выделение курсивных слов происходит по естественным законам индивидуальной психики.

Представление о так называемой коллективной психологии как о некоторой слагаемой, равнодействующей индивидуальных психологий, совершенно произвольно. Можно привести множество фактов, когда явление, несомненно значительное для индивидуума и даже больше того — травмирующее его психику, не вызывает возникновения арготического слова.

Арготическое слово возникает лишь там, где затронуты интересы среды, где нарушаются интересы коллектива в целом, причем эти нарушения происходят с известным постоянством и в известных условиях. Однако и в такой постановке вопроса мы должны считаться с реальной опасностью произвольно приписать социальному коллективу биологические функции организма — опасностью, которой не избег в своей работе об арго Niceforo.

⁸⁶ Под «психологизмом» в лингвистике мы понимаем не привлечение материала психологии (привлечение к лингвистике материалов других наук всегда желательно), а тенденцию свести все лингвистические явления к явлениям психологическим, тенденцию искать конечное объяснение лингвистических фактов в психологии, признание психологии самодовлеющим началом, находящим в себе же свое обоснование.

То, что конечную обусловленность арготических явлений необходимо видеть в социально-экономической действительности, доказывается глубочайшим совпадением арго в самых разных странах. Скажем, на связь арго с денежным хозяйством наталкивает нас то обстоятельство, что во всех странах вокруг денежных единиц создаются сотни арготических обозначений⁸⁷. Одни и те же профессии в самых разных странах дают преобладание арготических слов в их профессиональных языках, одни и те же явления деятельности этих профессий оказываются подвергшимися наибольшей арготизации и т. д.

В данной работе мы не собираемся выявить все факты социальной обусловленности арготических слов и дать единое и завершающее обобщение. Задача эта может быть разрешена только в процессе длительной работы. Мы предполагаем установить только одну сторону языковой деятельности социальной среды, ведущую к образованию арготических слов, и притом только в профессиональной, производственной речи, ограничиться которой на первых порах мы считаем методически целесообразным: арготические слова сопутствуют явлениям более или менее постоянного нарушения динамического стереотипа профессиональной деятельности при условии существования достаточно тесной социальной среды.

Обобщение это требует некоторой расшифровки. Прежде всего мы различаем фактор (двигатель) образования арготического слова и условие образования. Условием образования арготического слова является среда, т. е. нечто такое, что требуется для образования вообще любого слова, не только арготического. Фактором же образования арготического слова в данном случае является момент производственный: нарушение динамического производственного стереотипа, производственного ритма, хотя бы на конвейере: нарушение, вызывающее *загон* (словечко экономистов) части продукции в запас, или более систематические, «узаконенные» случаи: например, неравномерные расценки на работу, создающие возможность *жирного* (т. е. выгодного) наряда, затем случаи *запарывания* продукции (брака) и т. п.

В торговле, например, ритм будет нарушаться при неравномерном спросе, при возможности запрашивать цену с покупателя; в работе моряков эти нарушения будут связаны с характером погоды, состоянием моря, техническими возможностями судна (в парусном флоте, например, арготирование было развито в несравненно большей степени, чем в паровом)⁸⁸ и др.; в профессии летчиков неожиданными моментами в работу будут вторгаться атмосферные условия, перебои в работе мотора и т. д.⁸⁹

⁸⁷ Hotten, автор английского словаря *slang* (1859 г.), пишет во вступительной статье: «Her Majesty's coin, collectively or in the piece, is insulted by no less than one hundred and thirty distinct slang words». Р. де ла Грассери («Étude scientif. sur l'argot...». Paris, 1907) перечисляет 60 слов арго для понятия денег (стр. 136—137).

⁸⁸ См.: F. Kluge. *Seemannssprache*, 1912.

⁸⁹ См.: Л. Успенский. Материалы по языку русских летчиков.— Сб. «Язык и мышление», VI—VII, 1936.

Проследим, как рождаются арготические, жаргонные слова в таком «среднем» производстве, как полиграфическое, не отличающемся по нашему времени (1934 г.— Д.Л.) особенно совершенной организацией труда, но и не особенно отсталом.

Для удобства развернем весь производственный процесс, начиная от поступления рукописи в типографию и кончая выходом готовой продукции.

Рукопись из издательства поступает к заведующему наборным цехом, последний передает ее наборщику для набора. Этот момент уже связан со случайностью. Рукопись может оказаться для наборщика выгодной и невыгодной. Первое вторжение случая и первое арготическое слово: выгодная работа на языке наборщика называется *шпиком*, *шпиковкой*⁹⁰. Наборщик приступает к набору. Дело идет гладко до того момента, когда наборщик наталкивается на неразборчивое место — муху. Наборщик отрывается от набора, ищет, часто по всей типографии, человека, который бы ему эту «муху» прочел.

Затем случайным и досадным обстоятельством являются ошибки, которые делает наборщик, но процент этих ошибок предусмотрен: каждый наборщик делает приблизительно одинаковое количество ошибок, свойственное ему, и, наконец, для исправления их существует корректорская. Однако есть сорт ошибок чрезвычайно досадных, из-за которых приходится ломать свинец, перебирать абзац, страницу, а иной раз переверстывать и всю книгу. Это — солидный пропуск или место, набранное два раза. Подобные ошибки носят специальные названия: пропуск — *бык* или *козел*, вторичный набор того же места — *покойник*.

Один немецкий наборщик, у которого я поинтересовался, нет ли у немецких полиграфистов арготических слов, привел мне три слова: выгодная работа у немцев называется *speck*, два раза набранное место — *wurmking* и крупный пропуск — *leichnam*.

Если русские наборщики и заимствовали в известной мере свои слова у немецких⁹¹, то во всяком случае и само заимствование должно было быть как-то обусловлено. Факт совпадения арготических выражений остается.

Затем работа поступает на читку в корректорскую. Плохая читка может повлечь крупные неприятности для типографии. Такое чтение корректуры заведующий цехом называет чтением *шапкой*. Из корректорской работа поступает правщику. Если правщик правил ее плохо, то про него говорят, что он правил *огурцом*. Исправленная работа отсылается в издательство для дальнейшей обработки. Возвращение работы из издательства может принести много неожиданностей: большую и сложную правку, *шпиковую* работу, *загиб селедки* за чтение *шапкой* и правку *огурцом*, за *быки* и *покойники*. И вот в типографии образуется эмоциональное слово: *автор*.

⁹⁰ У английских наборщиков выгодная работа называется *fat*.

⁹¹ Наиболее древние полиграфические термины пришли в Россию через посредство Германии еще в XVII в.

После вторичной правки, сверки и часто еще раз правки работа поступает в машинное отделение, где ее могут *запороть* в самый последний момент. Словечко *запороть* 'сделать брак' употребляется не только в типографиях: в типографии, скажем, могут *запороть* лист, на заводе им. Кулакова могут *запороть* «конуса» и т. д. *Запороть* можно любую продукцию. Машинное отделение типографии не имеет своих, характерных именно для данного производства словечек — оно пользуется арготическими словами, широко распространенными на самых разных заводах. Причина ясна: машинное отделение имеет меньше общего с наборным цехом, чем с машинным отделением любого другого производства.

Вот приблизительно главнейшие арготические слова, встречающиеся в производственном языке наборщиков, — они затрагивают как раз те моменты, в которых чаще всего и естественнее всего ожидать вторжения случая.

Бытовое арготическое наборщиков менее интересно — оно по большей части неоригинально, как неоригинален и сам быт наборщиков⁹². Замечательно, впрочем, что специфические опасности наборного дела для здоровья отразились в былое время в особых словах для понятий «заболеть», «умереть от туберкулеза»: *скурсивиться*, *поплыть с ледком* (слово питерское). Есть и еще одно специфически типографское выражение про заикающихся: *говорить на разрядку*.

Эти два выражения — *скурсивиться* и *говорить на разрядку* — не случайны. Выделения в тексте, особенно если они часты, заставляют наборщика отрываться от своей работы для поисков курсивной кассы или однопунктовых шпаций, с которыми в типографии при плохо поставленном разборе всегда бывают недоразумения.

Если мы обратимся к языку железнодорожников, то увидим ту же картину. Случайным, дезорганизирующим моментом в труде железнодорожника является опоздание поезда. *Намазав, сбившись с ходу, потеряв ход*, т. е. опоздав, поезд может *сломать график* железнодорожному диспетчеру, *выбиться из расписания*. Опоздав хотя бы на несколько минут, поезд, по правилам, должен пропускать вперед себя все поезда, идущие по графику, иначе он *запрет им дорогу*. Иногда, если поезда идут густо и диспетчеру нужно *прогнать* их по своему участку как можно скорее, такой поезд может *запороть* движение; поезду *захлопывают* семафор (в таком случае говорят, что *состав растянулся* перед семафором), диспетчер *выдергивает* его с главной линии и *кидает* на запасный. На запасном пути (вернее, по железнодорожному: «на запасной пути») поезд «ждет распоряжения», удобного случая, когда диспетчер *вытолкнет* его на главную линию.

Конечно, ни у наборщиков, ни у железнодорожников нет полного арготирования, имеются отдельные слова, приближающиеся к арготи-

⁹² О языке наборщиков, главным образом бытовом, см.: E. Boutmy. Les typographes parisiens. Paris, 1874. Он же. Dictionnaire de l'argot des typographes. Paris, 1883 и отчасти: L. Larchy. Nouveau supplément du dictionnaire d'argot. Paris, 1889.

ческим, в количестве, не большем, чем в любой другой профессии. Ни профессия железнодорожника, ни профессия наборщика отнюдь не арготирующие профессии. Мы увидим ниже, что арготирование характерно для профессий совершенно другого склада и развивается только при определенных общественных условиях (забегаем вперед: например, в условиях анархичности капиталистического хозяйства).

Мы считаем, что приведенных примеров достаточно, чтобы сделать если не доказанным, то во всяком случае понятным второй тезис нашей работы: арготическое слово в профессиональных языках рождается в тех случаях, когда мы имеем нарушение автоматизма работы, производственного ритма, динамического стереотипа.

Мы бы не очень преувеличили положение, если бы сказали, что моменты зарождения арготических слов во многих профессиях можно было бы определить путем непосредственного изучения производственного процесса. Там, где мы имеем наибольшие скачки, вторжения случайностей, там, где производственный процесс трудней всего подвергается учету, именно там мы и должны искать арготическое слово⁹³.

Арготическое слово в профессиональной речи рождается там, где мы имеем известное несовершенство производственного процесса, получившееся или как недостаток организации, или как недостаток техники. Следовательно, мы заранее можем сказать, что в массовом производстве арготические слова будут иметь меньше случаев для возникновения, что организация непрерывного производственного потока в том или ином производстве повлечет за собой исчезновение многих жаргонных эмоционально-экспрессивных словечек.

Наконец, выходя за пределы исключительно профессиональных языков, мы берем на себя смелость сказать, что употребление арготических слов в школе находится в прямой зависимости от постановки педагогической работы. Арго будет процветать в той школе, в которой учение превращается в охоту учеников за *удавчиками*, в которой воспитательная работа превращается в войну преподавателей с учениками, где нет общности интересов тех и других⁹⁴. К чести нашей школы, следует сказать, что специфически школьных словечек, связанных с учением, в ней почти нет, зато одно время довольно интенсивно проникало уличное арго.

⁹³ Характерно, что даже в самом графике, в диаграмме — всякого рода резкий скачок носит арготическое название *свечки* (в языке медиков, экономистов).

⁹⁴ О языках учащихся и языках закрытых учебных заведений см.: «Изборник разведчика», 1896. II; «Сенсирская военная школа во Франции» (по журналу «L'illustration»); Fr. Kluge. Deutsche Studentensprache. Strassburg, 1895; G. Moch. Lexique-vocabulaire de l'argot de l'École polytechnique. Paris, 1911 и др. Любопытна одна особенность этих школьных языков, особенно тесно объединяющая арго Сенсирской школы и Политехнической, — это склонность к аббревиатурам. Склонность эта специально оговаривается в предисловии к кн.: Albert-Lévy, G. Pinet. L'argot de l'X (X — это учащийся Политехнической школы, а также и сама школа).

Из сказанного ясно, что, установив факт обусловленности известной части арготических слов нарушением производственного ритма и даже больше того — вообще некоторым несовершенством организации производства, причины которого могут лежать в неразрешенности чисто технических проблем, мы сможем путем выявления арготических слов в той или иной профессии установить и кое-какие недочеты этой профессии.

Казалось бы, например, что работа счетного аппарата любого предприятия или учреждения должна быть подчинена строгой закономерности. Казалось бы, работа бухгалтерии должна происходить с совершенством арифмометра. Между тем язык разоблачает кое-какие серьезные дефекты.

Вот краткий список бухгалтерских словечек одного из предприятий, оказавшегося не на должной высоте в постановке счетного дела. Распределить расходы по отдельным счетам из общей суммы называется *растаскать* счета. Если счета не сходятся, о них говорят, что они *не танцуют, не пляшут, не сходятся*, что они *разъехались*, что они *не идут*. Когда счета сходятся, о них говорят, что они *стáкнулись*, что они пришли *так на так*. Надо сказать, что в счетном деле счета должны сходить сами как результат аккуратного ведения дела, но в рассматриваемом предприятии это бывало не всегда, и тогда оказывалось, что счета можно *сводить, знакомить* или *подводить*. При несхождении дебета и кредита говорят, что *дебет кредит обгоняет* или наоборот. Сторно — обратная проводка — имеет арготическое название *подкраска*. Сторнировать значит *подкрасить*⁹⁵. Эти последние арготические образования станут нам понятны с точки зрения нарушения ритма работы, если разъясним, что обратной проводкой исправляются ошибки в бухгалтерии. При составлении годовых отчетов самое горячее время в бухгалтерии — заполнение форм, часто имеющих большую величину. Отсюда название формы — *простыня*. При неверно данных сведениях эти формы могут быть *фармазонскими*, в таком случае они отражают *липовый* баланс. Чтобы сбыть с рук годовой отчет, сдать баланс, прибегают к самым разнообразным уловкам, например, *замораживают счета*, т. е. делают так, чтобы по известному счету не было движения, *сбивают в кучу* — термин, противоположный *растаскиванию* по счетам, и т. д.

Часть слов — общие со словами экономистов того же предприятия, например, *франко потолок* 'сведения, добытые «с потолка»', *проектировать с чистого места*, *экстраполировать потолок*, *сделать в потолочных метрах* (в несуществующих величинах), *навертеть калькуляцию* (при работе на арифмометре) и т. д. Часть арготических слов счетных работников этого предприятия носит грубо эротический характер и по этой причине не может быть приведена.

⁹⁵ *Много крашено* означает, что в счетах наврано. Бланки обратных проводок имеют красную поперечную черту (речь идет о так называемом копир-учете.— Ред.).

Таким образом, наличие арготических слов достаточно ясно указывает, что в счетном деле на данном предприятии не всегда и не все обстоит благополучно, что скверно составленный счетный план, ошибки в работе, перегрузка отчетностью серьезным образом нарушают процесс работы.

Итак, происхождение арготических слов связывается с вторжением случая в общественно-производственную деятельность человека. Приводившиеся нами выше примеры образования арготических слов являются до известной степени «идеальными» и исключительными: образование каждого из арготических слов, о которых мы говорили, явилось прямым результатом воздействия производственного момента. Однако в значительном числе случаев дело обстоит сложнее: влияния перекрещиваются, речь и мышление человека выступают в качестве вторичных, но все же достаточно сильных факторов, так что в сложном целом арготической речи оказывается довольно трудным выяснить происхождение отдельного арготического слова; в особенности это трудно там, где слово не связано непосредственно с производственными моментами, а, как в бытовом арго, имеет более непосредственное соприкосновение с идеологическими моментами. Тем не менее установленное нами правило о связи арго со стихией случайности должно считаться в целом правильным. Это доказывается не только специфическим лексическим составом арго, но и самим характером арготирующих профессий.

Вопрос о том, какие же профессии имеют наибольшую склонность к образованию арго, для нас не представит благодаря всему вышесказанному особых трудностей.

Совершенно ясно, что арготировать будут те профессии, в которых трудовой стереотип или отсутствует совершенно, или почти отсутствует, или постоянно нарушается. К таким профессиям будут принадлежать профессии, связанные с отсталыми формами хозяйства, или молодые, не установившие еще своих стабильных форм труда, или такие, труд в которых не нашел еще своего технического выражения, или, наконец, такие, эффективность труда которых колеблется в зависимости от личных способностей, от одаренности индивида.

Что касается профессий, в которых арго связывалось с отсталыми формами хозяйства и социальной жизни, то все они почти уже исчезли. Нет, скажем, биржевых дельцов и спекулянтов, нет коммивояжеров, тряпичников, профессиональных нищих, профессиональных контрабандистов, бродячих ремесленников, лаборей, шулеров и т. д., упоминания об арго которых мы встречаем иногда в самых различных странах.

Об арго этих профессий мы имеем до сотни различных работ на русском языке, рассеянных в периодической литературе (главным образом по разным этнографическим журналам), в беллетристике и пр., начиная с XVIII в. В английской литературе упоминания об арго нищих и воров восходят к дошекспировским временам. Любопытные сведения можно получить из словаря Hotten'a (1859 г.), подчеркивающего громадную роль мелких торговцев (так называемых *patterers*, *handsellers*,

cheap Jacks, chive fencers, hand saws, flying stationers, chaunters и др.), которых он насчитывал в Лондоне до 30 000.

Исчерпывающие сведения на французском языке об арго этих профессий можно получить у Sainéan'a, у немцев — у Avé Lalemant⁹⁶ и Kluge⁹⁷.

Труд людей этих профессий носит совершенно неорганизованный характер: доходы по большей части низкие и колеблются от случая к случаю. Торговля в некоторых арготирующих группах прошлого носила совершенно первобытный характер: натуральный обмен, неустойчивость цен, обвешивание и обмеривание. Нельзя видеть в арго этих профессий заимствование из арго воров, как это делают некоторые исследователи.

Внимательное изучение языка наших офеней показывает, что добрая треть их слов могла возникнуть только на самостоятельной почве. К ним относятся слова, связанные с торговлей и специфическими особенностями труда офеней (например, названия весов и их отдельных частей), названия предметов крестьянского обихода, скота, наконец, заимствования из новогреческого языка, соприкосновение с которым было более естественно для офеней, чем для воров.

Таким образом, чем организованнее труд в профессии, тем меньше она арготирует.

От арго спасают любые рельсы, любой стереотип, плавность и разумность производственного процесса. Допустим на минуту, что труд офеней протекал бы по следующему шаблону: каждый офеня объезжал бы определенное, всегда одинаковое количество деревень, в каждой деревне он обходил бы одинаковое количество дворов, в каждом дворе у него покупали бы определенное количество предметов по твердым ценам. Допустим при этом, что он не обвешивал бы и не обмеривал, что ему не приходилось бы созывать покупателей и подолгу стучаться у ворот,— мы имели бы в таком случае в языке офени не больше арготических слов, чем в языке почтальона или кооператора.

Следующий вопрос также не представит затруднений: в какие эпохи арго получают наибольшее развитие? Эпохи организованного хозяйства, хозяйства, не подверженного кризисам, изменениям, ломке привычных хозяйственных стереотипов, менее всего склонны образовывать арго.

Особенной склонностью к арготированию должен отличаться, конечно, период первоначального накопления капитала. Арго должны появляться в эпохи переходные, связанные с ломкой хозяйственных стереотипов; в частности, эпоха промышленного переворота в Англии дала много арготических слов, связанных с возникновением новых явлений, даже просто новых машин. Очень много технических терминов нашего времени были когда-то эмоционально-экспрессивными, например, *sow* 'форма для металла' или *pig* 'застывшая болванка'.

⁹⁶ Avé Lalemant. Das deutsche Gaunerthum, Bd. IV.

⁹⁷ Kluge. Rotwelsch. 1901.

Скажем, механизация рыбконсервного дела создала особое арготическое слово для потрошильной машины, заменившей сразу десятки рабочих, — *железный китаец*⁹⁸. Вообще надо сказать, что новое явление, поскольку оно нарушает известные стереотипы, очень часто вызывает потребность в арготическом слове, которое потом, с установлением нового стереотипа, переходит в номинативное техническое выражение, утрачивая эмоциональный характер.

Уже одно перечисление арготирующих профессий наталкивает нас на мысль о связи арготических явлений в языке с неплановым хозяйством по преимуществу. Возьмем профессию шоферов, скажем, в Париже. В их языке мы наблюдаем вполне развитое арго: «арго охотника на пассажира», арго человека, живущего случаем, весьма часто утрачивающего (из-за конкуренции) чувство классовой солидарности, — почти люмпен-пролетария. Не требует пояснения, какую огромную роль в образовании арго имеют сепаратистские, анархические тенденции внутри профессии. Вот почему профессии с развитым чувством классовой солидарности почти не арготируют. Арго, таким образом, в полной мере может быть охарактеризовано как следствие анархии хозяйства и как его выражение, как идеология анархического люмпен-пролетариата.

Анархия производства, кризисы и огромные вторжения стихии, случайности создают наиболее благоприятные условия для образования многочисленных групп арготирующих.

Энгельс дает следующую характеристику роли случая в современном ему капиталистическом обществе: «Люди же, наоборот, чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, с сознанием своих действий, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно»⁹⁹.

V

Известные явления окружающего социальную среду бытия создают арготическое слово. Вне конкретной среды и конкретной внешней обстановки это слово лишено своей эмоциональной арготической выразительности. Вот почему слова арго не могут беспрепятственно распространяться за пределы замкнутого и ограниченного круга арготиру-

⁹⁸ Машина для растрепывания тряпок, также заменившая в свое время многих чернорабочих, получила название *волк*, а по-английски *devil*.

⁹⁹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, М., 1952, стр. 14 — 15.

ющих, вот почему арготические слова прошлого остаются совершенно непонятными и «загадочными» для нас в настоящее время, лишенными своей характерной эмоциональной окраски.

Разве наше восприятие слов хотя бы владимирских офеней или угорских портных одинаково с восприятием их самими офенями или самими угорскими портными? Офени воспринимали эмоциональность своей речи, для нас же эта речь не существует как эмоциональная.

Еще раз повторяем — аргумент всегда принадлежит какой-нибудь замкнутой социальной группе, чаще всего потерявшей свою связь с обществом в целом; «идеологический», «заговорщицкий» характер его резко подчеркнут. Отдельные арготические слова, встречающиеся в языке высококвалифицированных профессий, только подтверждают это.

Следует подчеркнуть, что словарный состав профессиональных языков требует дальнейшего внимательного изучения. Помимо слов явно арготических и слов-терминов, профессиональные языки обладают еще и другими категориями слов, которые с трудом могут быть отнесены к тем или другим. Например, особые условия профессии поморов породили слова, эмоция которых существенно различается с эмоцией слов арготических. Мы имеем в виду такие выражения «замилостивляющего», ласкательного характера, как *батюшко океан, вздохнул батюшко* — прилив сменился отливом или наоборот, *духами припадат батюшко* — шторм порывами с океана, *дружитья к берегу* — идти на карбасе вдоль берега; затем всякого рода обращения к ветру (*припади-ка ветерка, у нас лодка не ходка*) и др.¹⁰⁰

Затем следует оговориться, что каждая профессиональная речь, помимо арготических слов и слов-терминов, включает еще одну большую группу слов, знаменующих собой некоторое овладение производственным процессом. Если в разговоре с посторонними арготические слова тщательно избегаются, то эта категория слов не только употребляется каждый раз, вытесняя полностью адекватное слово обычной речи, но и служит признаком профессионального отношения к явлению.

Арготическое слово сигнализирует неудачу, порыв, неорганизованность, арготическое слово возможно только при хищническом отношении к хозяйствованию, к производственному процессу, слова же приводимого ниже типа, напротив, свидетельствуют о полном усвоении производственного процесса и о «рабочей установке» их носителя.

¹⁰⁰ О языке рыбаков см.: П. М. Дуров. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. Отдельные статьи и собрания слов рассеяны в следующих изданиях: «Записки Гидрографического департамента Морского министерства» (с 1844 по 1862 г., ч. II—IV, VI—VIII, X), «Записки имп. Казанского экономического общества» (1856, № 12), «Морской сборник» (1854, т. XI, № 1, 3), «Журнал Министерства народного просвещения» (ч. I, VI, VIII), «Отечественные записки» (1852, II; 1953, III) и др.

Любопытно отметить, что типично охотничье разделение мира на два лагеря отразилось в создании и противоположной группы слов, имеющих отношение уже не к стихии, а к человеку-охотнику: карбас, например, у поморов зовется уничижительно *посудиной*...

Штукатур никогда не скажет, что карниз делают — карниз только *тянут* или *вытягивают*; так же точно плотник не строит дом, а *рубит*, не делает дверные и оконные коробки, а *вяжет* их; каменщики не кладут кирпичи на растворе, а *подливают*; каталь на барже не везет тачку, а *катит* и т. д.

Особенно часто встречаются в профессиональной речи слова *идти* и *ходить*: рыба, скажем, у рыбаков не плавает, а *идет*; казаки на конях не ездят, а *ходят*; у моряков *идут* корабли, суда; у железнодорожников вагоны *идут*, а не едут; у лесорубов *идет* падающее дерево; у театральные работники может *идти* и даже *дойти до зрителя* пьеса. В старинных актах можно прочесть выражение *струговой ход*, из чего легко заключить, что и струги *ходили*; *ходили* и офени на возах¹⁰¹.

Любопытные случаи перенесения чисто технических терминов в быт (особенно частые в языке моряков) доказывают, что выражения технического порядка, несмотря на противоположный арготическим характер, могут служить почвой для образования арготизмов, например: *abattre sur le bon ou sur le mauvais bord* 'уклониться на выгодный или невыгодный галс' — иметь или не иметь успех в предприятии; *courir un vilain bord* (идти невыгодным галсом) — о человеке, опасно заболевшем или находящемся в затруднительном положении; *être à bout de bord* (быть при конце галса или оканчивать галс) — доходить до истощения сил, терять терпение, быть без денег, быть безнадежно больным; *courir des bordées dans la conversation* (делать галсы в разговоре) — затягивать разговор; *arriver tout plat* (спуститься на фордевинд) — уступить, согласиться без возражений; *avoir un tour dans ses cables* (иметь прыжок в своих канатах) — иметь болезнь или слабость в ногах¹⁰² и др.

Весь этот материал требует тщательного изучения.

1938.

(Статья опубликована в сборнике «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., «Наука», 1964, с. 311—359).

¹⁰¹ «Офени между собой никак не скажут, что такой-то из них приехал, а пришел...» (К. Тихонравов. Офени Владим. губ. «Владим. сборник», М., 1857).

¹⁰² Примеры взяты из статьи «Морской язык у французов» («Морской сборник», 1852, № 10); см. также: G. de le Landelle. Le langage des marins. Paris, 1859. Ср. русские: *пришвартоваться к барышне*, *держат курс на вест* 'стремиться уйти, покинуть', *кинуть якорь* 'жениться' и др.